

А
н
д
р
е
й
Б
о
н
д
а
р
е
н
к
о
и
Ш
е
к
с
п
и
р

Андрей Бондаренко

Клоуны и Шекспир

Серия «Параллельные миры», книга 2

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2901175

Аннотация

Северное море – место странное и особенное. В его негостеприимных и холодных водах прячутся самые разнообразные и невероятные чудеса, которые иногда – всегда неожиданно – «проявляют» себя.

А ещё Северное море омывает берега замечательной и очень симпатичной страны – Фландрии, по городам и весям которой упорно бродят два весёлых путника. Один – высокий, подвижный и тощий. Второй же, наоборот, низенький, тучный и медлительный.

Тиль Уленшпигель и Ламме Гудзак.

Клоуны – от Бога

Содержание

От Автора	4
Пролог	5
Глава первая	11
Глава вторая	19
Глава третья	31
Глава четвёртая	47
Глава пятая	59
Глава шестая	75
Глава седьмая	91
Глава восьмая	108
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Андрей Бондаренко Клоуны И Шекспир

От Автора

Северное море – место странное и особенное. В его негостеприимных и холодных водах прячутся самые разнообразные и невероятные чудеса, которые иногда – всегда неожиданно – «проявляют» себя.

А ещё Северное море омывает берега замечательной и очень симпатичной страны – Фландрии, по городам и весям которой упорно бродят два весёлых путника. Один – высокий, подвижный и тощий. Второй же, наоборот, низенький, тучный и медлительный.

Тиль Уленшпигель и Ламме Гудзак.

Клоуны – от Бога...

Автор

Пролог

Сны и приходят и уходят.

Они, коварно обнадёжив, уходят, а мы остаёмся. Остаёмся – с навязчивыми думами о странных снах, неожиданно посетивших нас, мерзких, наивных и мечтательных глупцов....

Может, эти сны были вещими?

Может. Почему бы и нет?

Мы не властны – над этим Миром. Наоборот, это Мир – властен над нами. Вернее, Миры...

Лёньке снился сон.

Над Круглой площадью установилась мрачная тишина.

Глашатай достал из-за пазухи несколько тугих пергаментных свитков, выбрал нужный и, развернув его, принялся зачитывать – зычным, хорошо поставленным голосом:

– Отныне и во веки веков. Аминь! Именем великого короля Филиппа Второго! Владыки Фландрии, Брабанта, Геннегау, Голландии и Зеландии. Именем Папы Римского и Святой Инквизиции...

Господин в длинном рыжем парике, покончил с официальной частью, перешёл непосредственно к делу, то есть, приказал вывести на судное место первого подсудимого. Вернее, подсудимую.

Тощий и неуклюжий ландскнехт вставил громоздкий

бронзовый ключ в громоздкий ржавый замок и, повернув его, приоткрыл узенькую дверцу, после чего двое рослых солдат выволокли из железной клетки пленницу. Светлые волосы молодой женщины были растрёпаны, тёмное длинное платье порвано в нескольких местах, а распухшее лицо щедро покрыто сизыми и жёлтыми синяками.

Стражники, подгоняя пинками, затащили подсудимую на второй помост, после чего глашатай принялся зачитывать обвинения.

Перечень был длинным – до полной и однозначной бесконечности. Женщина обвинялась в следующих прегрешениях и преступлениях. В свободное от работы время она часами сидела на берегу и бездумно вглядывалась в речные воды. Каждый день – ранним утром и поздним вечером – кормила голубей и прочих городских бесполезных пичуг. По воскресеньям, после посещения церкви, на весь день уходила в пригородные луга и подбирала там всяких раненых зверушек и птиц, которых потом приносила домой и старательно выхаживала. Никогда не ела мяса, колбас и прочих вкусных копчёностей. Ну, и так далее. Короче говоря, самая натуральная ведьма, колдунья и записная еретичка...

Бородатый сосед справа, грудь и живот которого скрывал широкий кожаный фартук, покрытый красно-бурыми пятнами, (наверное, мясник или колбасник?), тихонько пробормотал:

– Чудачка она, наша Таннекен. Мечтательная и очень доб-

рая. Причём, с самого рождения.... Разве это – преступление?

– Признаёшь ли ты, девица Таннекен, ведьмину сущность? Говори громче! Все истинные католики должны слышать твой ответ.

– Нет, не признаю, – морским ветерком прошелестел тихий, но твёрдый голос. – Я ни в чём не виновата. Клянусь.

– Готова ли ты, дочь Божья, пройти испытанье водой? – проскрипело над площадью – это разомкнулись тонкие губы человека, над головой которого красовалась нарядная епископская митра.

– Готова, отче.

– Да, будет так! Прими прямо сейчас...

Женщина покорно, не оказывая ни малейшего сопротивления, легла на длинный топчан-скамью. Здоровенные солдаты ловко связали ей руки-ноги и надёжно пристегнули хуленькое тельце – несколькими широкими кожаными ремнями – к топчану. После этого стражникам снизу передали некий светло-серый грушеобразный предмет.

Один из стражников разжал коротким кинжалом Таннекен зубы, а другой, предварительно набрав воды из кувшина, поднёс тонкую часть грушеобразного предмета ко рту женщины и принялся размеренно нажимать-надавливать ладонями на «щёки» войлочной клизмы.

– Выводите лысого злодея! – велел глашатай. – На колесо его! Привязывайте!

– А-а-а! – раздалось через несколько минут. – Больно! А-а-а!

Послышался противный для слуха треск...

– Хрень какая-то, – просыпаясь, пробормотал Макаров. – Зачем сняться такие страшные сны? К чему?

Пробормотал и вновь уснул.

Совершенно предсказуемо пришёл новый сон.

Такой же необычный и странный.

Свежие холмики чёрно-угольной земли. Кладбище. Женщина с тёмными глазами. Конкретная такая женщина – молчаливая, загадочная, гордая. Колдунья, короче говоря.

– Всё верно, тётяшка, – сознался Леонид. – Ты – настоящая Колдунья. С большой буквы.... А, кто спит в цирковом фургончике?

– Девушка с белыми-белыми волосами. Чистая, светлая и тихая. Твоя будущая жена и мать твоих шестерых детишек. Трёх сыновей и трёх дочек. В Будущем, понятное дело. Да и в другом Мире.... Удивлён? Хочешь, Путник, расскажу о твоём скучном Прошлом?

– Зачем? – непонимающе передёрнул плечами Лёнька. – Я о нём и так всё знаю. Скучное, согласен.... Вот, если бы ты рассказала о Будущем...

– Хорошо, поведаю, – приветливо улыбнулась женщина. – О каком Будущем ты хотел бы узнать? О завтрашнем дне? Или же о том, что случится через год?

– Ну.... Мне и то и другое интересно.

– Так не пойдёт. Извини. Выбирай только одно.

– Даже не знаю...., – задумался Макаров. – Ладно, Чёрная колдунья, давай про события будущего года. Излагай. Это – с точки зрения стратегического маркетинга – гораздо актуальнее.

– Стратег хренов. Ладно слушай.... Вижу Четырёх. Двое из них – Светлые. Ещё двое – Тёмные. Один Светлый плывёт (то есть, идёт), по морю. Старенький, но ещё ходкий фрегат, за которым едва успевают два пузатых брига. Дует сильный норд-ост, поэтому поднята только одна треть парусов. Светлый стоит на капитанском мостике, за штурвалом. Рядом с ним находится ещё кто-то. Кто – конкретно? Не разобрать. Лица не видно. Ясно только одно: этот «кто-то» очень дорог Светлому. Погоди, их, кажется, трое.... Ага, так и есть. Капитан фрегата и беременная рыжеволосая женщина. То бишь, трое и есть.... Второй Светлый. Станный такой господин. Днём ходит в шелках и бархате, а по вечерам, втайне ото всех, стучит кузнечным молотом. То есть, в тайне почти ото всех. Кроме одной светловолосой женщины, тоже беременной. Причём, двойней. Ну-ну.... Теперь – Тёмные. Первый лежит неподвижно, как трухлявое бревно в лесу. Лежит и надсадно икает. Силится что-то сказать, но, увы, не может. Не получается у него, сколько не старается.... Второй Тёмный. Огромная эскадра подплывает к незнакомому низкому берегу. Многочисленные галеоны, многопушечные фрегаты,

бриги, что-то там ещё. Извини, Путник, не сильна я в названиях этих морских судов.... Итак, далёкий берег. Черные горные пики, сёдла перевалов, украшенные белыми шапками снегов. Весёлые светло-зелёные долины, на которых пасутся рогатые парнокопытные животные. Между животными бегают длинноногие птицы. Их потом будут называть – «страусами».... Второй Тёмный, стоя на капитанском мостике, тревожно вглядывается в берег. На низких перилах помоста сидит шустрая молоденькая мартышка. В голове Тёмного неожиданно пробегает мысль, окончательно портящая ему настроение. Он, вне себя от гнева, вытаскивает из нарядных ножен длинную шпагу и протыкает безвинную мартышку насквозь. Бедный зверёк, корчась в предсмертных муках, отчаянно визжит. Тёмный радостно смеётся.... Вот, и всё, Путник. Как тебе – такое Предсказанье?

– Нормальное. Спасибо, Катлина, – вежливо поблагодарил Лёнька. – Конечно, слегка непонятное. Но ничего. Разберусь. Чай, не первый год живу на этом Свете.... А, почему на одних могилах лежат полевые цветы, а на других холмиках их нет?

– Ничего хитрого. Каждому – да по заслугам его...

Глава первая

Беспокойное утро

Лучше бы он не просыпался. Или, хотя бы, повременил с этим важным делом на пару-тройку часов.

Лёнька приоткрыл глаза и недовольно поморщился. Во-первых, безбожно трещала, грозя расколоться на части, голова. Во-вторых, во рту безраздельно властвовала противная кислятина, словно бы туда нагадила нехилая стая бродячих кошек. В-третьих, по квартире металась туда-сюда, изображая из себя маятник настенных часов, Наталья.

Вообще-то, Натка была мировой девчонкой – симпатичной, светленькой, стройной, хозяйственной. Да и в постели с ней было совсем не скучно. Только, вот, поскандалить любила – до потери пульса. Причём, по копеечным и откровенно-надуманным поводам. Мол, пьёшь много, а работаешь мало. Соседи на Мальдивах и Сейшелах отдыхают, а мы – как лохи последние – в Хургаде. Тьфу, да и только...

– Ругаться будешь? – неуверенно шмыгнув носом, спросил Лёонид.

– Очень надо, – вытаскивая из кладовки дорожный чемодан, многообещающе усмехнулась Наташка. – Чести много. Перетопчешься, Макаров.

То, что его называли по фамилии, было очень плохо. То

есть, соответствовало «красному» уровню тревоги¹.

«Следовательно, лёгким скандальчиком дело не ограничится. Грядёт самый натуральный скандалище», – загрустил Лёнька и, заняв на кровати сидячее положение, осторожно поинтересовался:

– Почему ты не на работе?

– А ты – почему? – подойдя к одёжному шкафу и раскрыв чемодан, вопросом на вопрос ответила жена.

– Дык, я же безработный. Временно...

– Ага, уже восемь месяцев.

– Семь с половиной, – поднимаясь с кровати, машинально уточнил Макаров. – Но работу-то ищу. Весь Интернет завесил объявлениями и резюме.

– Завесил и, довольный сам собой, в пьянство ударился. Совместно с разлюбезным Тилем. Сладкая парочка, тоже мне.

– А, чего ты так морщишься?

– Того. Давно в зеркало смотрелся? – Наталья, распахнув дверцы шкафа, принялась беспорядочно загружать в чемодан нижнее бельё и летнюю одежду.

– Что я там забыл? То бишь, в зеркале?

– Не «что», а «кого». Мужуки всего-то тридцать лет, а выглядишь, как...

¹ – Закон РФ «О противодействии терроризму» определяет следующие «цветные» уровни тревоги: синий – повышенный уровень опасности, жёлтый – высокий, красный – критический.

– Как кто? – заинтересовался Лёнька.

– Как пятидесятилетний Евгений Леонов, известный киноартист, ныне покойный. Только разжиревший такой Леонов... Сколько ты, морда запьянцовская, сейчас вешишь?

– Килограмм сто десять, наверное.

– Наверное, – презрительно передразнила жена. – Льстишь себе, боров. Не более того. Уже давно за сто двадцать перевалило.

– И, всё же. Почему ты не пошла на работу?

– Отгул взяла.

– Зачем?

– Чтобы к маме переехать.

– К маме? – удивился Леонид. – Надолго?

– До тех пор, пока ты за ум не возьмёшься. Вот, когда бросишь пить и устроишься на приличную работу, тогда и вернись. Не раньше.

– А, как же я?

– Как хочешь, – Наталья звонко защёлкнула чемоданные замки.

– М-м-м...

– Как прикажешь понимать это испуганное мычание? Мол, как быть с деньгами и продуктами?

– Ага.

– Ты брал у меня в понедельник тысячу?

– Брал.

– Всё пропил?

– Половину, – покаянно вздохнул Лёнька.

– Значит, с голоду некоторое время не помрёшь, – подхватив чемодан, направилась в прихожую жена. – Да и в холодильнике осталось всякого – сосиски, пельмени, масло. В буфете найдёшь консервы. И рыбные, и овощные... Всё, Макаров. Пока! Не скучай...

Дверь захлопнулась. В замочной скважине язвительно и насмешливо проскрипел ключ.

– Вот же, зараза упёртая! – возмутился Леонид. – И без того тошно было, а теперь совсем поплохело... Ничего, мы ребята запасливые и предусмотрительные. Сейчас слегка поправим здоровье, а уже потом, никуда не торопясь, и покумекаем – относительно сложившейся ситуации.

Он нагнулся, достал из-под кровати кожаную наплечную сумку, расстегнул молнию и огорчённо прошептал:

– Дела-делишки... Куда, спрашивается, подевались три банки с пивом? Вредная Натка спрятала? Типа – в качестве финального аккорда? Или?

Через несколько минут подтвердились самые худшие опасения – пропажа обнаружилась в мусорном ведре. Естественно, все три банки оказались пустыми.

– Воистину, женское коварство не знает границ, – потерянно пробормотал Лёнька. – Это так мелко и подло. Мстительница хренова.

Бодро затренькал дверной звонок.

– Ага, вернулась! – обрадовался Макаров. – Совесть у

мерзавки, видимо, проснулась. Сейчас я ей устрою образцово-показательную выволочку. Как миленькая, сопя от усердия, побежит в магазин. И тремя банками уже не откупится. В том плане, что вводится повышающий честный коэффициент – «два»...

Но за входной дверью, вместо Натальи, обнаружился улыбчивый, светловолосый и радостный Сергей Даниленко по кличке – «Тиль».

По какой причине Серёга получил такое экзотическое и неординарное прозвище? Сугубо из-за приметной внешности, так как был здорово похож на Лембита Ульфсака. Кто такой – Лембит Ульфсак? Ну, вы, блин, даёте.... Речь идёт о знаменитом эстонском киноактёре, сыгравшем главную роль в фильме А.Алова и В.Наумова – «Легенда о Тиле²», снятом в далёком 1976-ом году.

– Привет, забулдыга! – завопил Тиль. – Что в дверях застыл? Подвинься, дай пройти.... Мадам Натали на работе?

– К маме переехала, – отходя в сторону, неохотно признался Лёнька. – Временно. До тех пор, пока я за ум не возьмусь.

– Понятное дело. О, женщины! Вам имя – вероломство³! Ничего, скоро вернётся. Причём, прямо сегодня.

² – Экранизация романа Шарля де Костера – «Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке, их приключениях отважных, забавных и достославных во Фландрии и иных странах».

³ – Цитата из трагедии Вильяма Шекспира – «Гамлет».

– Думаешь?

– Не думаю, а уверен на сто двадцать процентов, – оказавшись в комнате, Даниленко извлёк из кармана белый почтовый конверт и, картинно подняв его над головой, торжественно объявил: – Поздравляю, друг мой закадычный, с началом новой жизни! Естественно, богатой, насыщенной и счастливой.

– Это, это...

– Ага, пришёл долгожданный ответ из Норвегии. Вернее, от администрации норвежской нефтедобывающей компании Statoli ASA/4. Наши анкеты рассмотрены. Ну, и принято некое решение. Судьбоносное решение, верблюды горбатые.

– Может, обойдёмся без дурацких театральных пауз? – нахмурился Леонид. – Что решили норвежцы? Берут нас на работу?

– Берут, – широко улыбнулся Тиль. – Нам предлагают подписать девятимесячные контракты. Трудиться предстоит на платформе VS-413/13, расположенной в Северном море, в семидесяти восьми километрах от норвежского побережья. График работ божеский. Четыре часа через восемь. Через каждые полтора месяца отвозят на неделю на Большую Землю. Типа – для полноценного и заслуженного отдыха. Эту неделю на платформе отрабатывает специальный сменный коллектив, состоящий из местных кадров. Ежемесячная заработная плата – от трёх до девяти тысяч Евро, в зависимости от набуренных метров.... Чего это ты так резко поскуч-

нел?

– Дык, номер нехороший. Цифра «тринадцать» упоминается целых два раза.

– Прекращай, Лёньчик, дуриться. Я во все эти народные приметы не верю. По определению.

– А я верю, – печально вздохнул Макаров. – Ладно, пренебрегу.... А, что у нас с конкретикой? Когда выезжать?

– Уже через неделю надо быть в Мурманске. Оттуда полетим на самолёте до городка Тромсё. Норвежская виза, считай, уже у нас в кармане. Пустая формальность, рассчитанная на полдня. Медкомиссию пройти успеем, не вопрос.

– Может, в магазин сгоняем? Пивка прикупим? Отметим удачу?

– Нельзя, – отрицательно мотнул льняной гривой Даниленко. – Медкомиссию придётся проходить, судя по всему, по-настоящему. Надо, чтобы пульс и давление были – как у молоденьких космонавтов с Байконура. Так что, о выпивке придётся забыть. На некоторое время, понятное дело.... Звони Наталье. Извиняйся, лебези и старательно посыпай голову пеплом. Без неё нам не обойтись.

– Почему это?

– По кочану. Считается, что проезд, страховку, питание и проживание оплачивает компания-работодатель. Но до Мурманска мы должны добираться за свой счёт. Да и при въезде в Норвегию – по Закону – каждый въезжающий должен иметь при себе по тысячи Евро. У нас со Светланой с

деньгами – труба полная. Еле-еле набрали двадцать пять тысяч рублей. Так что, звони Натке. На неё, бережливую копилочку, вся надежда... Зачем любовь, что так красива и нежна на вид, на деле так жестока и сурова⁴?

⁴ – Цитата из трагедии Вильяма Шекспира – «Ромео и Джульетта».

Глава вторая

Смерть придёт внезапно – грязной и босой

Десять сорок утра, до отправления скорого поезда «Санкт-Петербург – Мурманск» оставалось двадцать минут.

Этот июльский день выдался хмурым, ветреным и печальным, с низкого серого неба потихоньку капал меленький тёплый дождик. Наталья доверчиво прижималась горячей щекой к Лёнькиному пухлому плечу и задумчиво молчала.

Состав уже подали ко второму перрону, вокруг всюду суетились пассажиры и провожающие.

– И где же твой бестолковый приятель? – принялась по привычке ворчать Наташка. – Вечно он опаздывает. Ужасно-легкомысленная личность. Сплошные хиханьки и хаханьки...

– Вон они, – указывая рукой, обрадовался Макаров. – Уже на подходе.

По перрону, ловко лавируя между группками отъезжающих-провожающих, следовала-шагала приметная парочка.

Высоченный и худющий Тиль был облачён в тёмно-коричневую куртку-балахон с квадратными серебристыми пуговицами. Причём, в покрое куртки смутно угадывалось нечто средневековое. Льняные волосы до плеч, длинный ястре-

биный нос, выразительные светло-голубые глаза, массивная тёмно-жёлтая серьга, закреплённая в мочке правого уха. Тот ещё образ. То ли странствующий благородный рыцарь, но с лёгким налётом убеждённого хиппи. То ли романтически настроенный пират, сошедший на берег ради кратковременного отдыха.

Его жена Светлана представляла собой иной яркий типаж. Этакая матрона из высшего общества – солидная, упитанная, неторопливая, черноволосая, ухоженная, одетая по последней моде. Практически все деньги, зарабатываемые четой Даниленко, уходили на Светкины изысканные наряды-аксессуары.

– Чего это вы оба такие хмуро-усталые? – ехидно прищурилась вредная Натка. – Процедура супружеского прощания, неожиданно затянувшись, длилась всю ночь напролёт?

– Кто про что, а вшивый про баню, – усмехнулся Тиль. – Рассказываю тематический анекдот. Поручик Ржевский танцует с Наташей Ростовой на балу у Губернатора. Наташа спрашивает: – «Поручик, о чём это вы так задумались?». «О том же, о чём и вы», – отвечает Ржевский. «Фу, какой же вы пошляк!», – возмутилась юная графиня и отчаянно покраснела.

– Не смешно, – обиделась Натка. – Клоун дешёвый.

– Действительно, не смешно, – невозмутимо подтвердила Светлана, откровенно не дружащая с чувством юмора. – Просто Букля полночи курлыкала. Видимо, почувствовала,

что обожаемый хозяин уезжает надолго, вот, и завелась – как заезженная грампластинка. Какофония сплошная. Толком и не поспать...

Букля была совой. Вернее, самкой домового сыча. Что, впрочем, почти одно и то же, так как домовые сычи официально относятся к отряду совообразных.

Откуда она взялась-появилась? Конечно же, была куплена, как и полагается, на Кондратьевском рынке, где испокон веков торговали всякой и разной живностью. Случайно была куплена? Типа – между делом? Нет, наоборот, целенаправленно и планоно.

Как только Серёга осознал, что очень похож на Лембита Ульфсака, так тут же в его мозгу что-то слегка перемкнуло. Фильм Алова и Наумова он пересмотрел бессчётное количество раз. Соответствующий роман Шарля де Костера зачитал до дыр. Стал одеваться во всё стрёмное и старомодное. В конечном итоге, купив на рынке молоденькую сову, получил заслуженное прозвище – «Тиль».

Причём здесь – сова? Дело в том, что один из вариантов перевода фламандской фамилии «Уленшпигель» означает – «сова и зеркало». Законченный чудак, короче говоря...

Вообще, и Даниленко, и Макаров являлись личностями неординарными, самобытными и многогранными. Сергей много лет посещал школу-студию театральной пантомимы и коллекционировал пикантно-солёные анекдоты всех стран и народов. Лёнька же всерьёз увлекался кузнечным делом,

гиревым спортом, а также писал длинные фантастические романы, которые отечественные издатели – по неизвестной причине – не спешили публиковать.

Что связывало-объединяло приятелей? Во-первых, трепетная любовь к рыбалке, пиву и футбольному клубу «Зенит». Во-вторых, тот факт, что они оба окончили Ленинградский Горный Институт. Причём, по редкой специальности – «Техника и технология разведки месторождений полезных ископаемых». То бишь, являлись буровиками. А, поскольку, российская геология – после приснопамятной Перестройки – умерла окончательно и бесповоротно, пришлось обратить взоры на Запад...

Из дверей вагона высунулась мрачная пропитая физиономия, украшенная форменной железнодорожной фуражкой.

– До отправления состава остаётся две с половиной минуты! – грозным голосом объявила пожилая проводница. – Прощайтесь, добры молодцы, со своими трепетными барышнями. Хватайте рюкзаки и залезайте. Ну, кому сказано?

– Езжайте, мужички, – печально улыбнулась добросердечная Светка. – Удачи вам. Нагнись-ка, Тиль, облобызаю на дорожку.

– Смотри у меня, Макаров, – недоверчиво погрозила указательным пальчиком Наталья. – Ежели что – я сразу почувствую. Почувствую и на порог, вертихвоста толстого, уже не пушу.... Ладно, иди сюда. Чмокну, так и быть...

Они, подхватив рюкзаки, прошли в тамбур. Проводница

закрыла вагонную дверь. Поезд, нервно вздрогнув, тронулся с места.

– Да, строга твоя белобрысяя мадам Натали, – уважительно пробормотал Даниленко. – Кремень, а не женщина.

– Что есть, то есть, – вздохнув, согласился Лёнька. – А, как иначе может быть? Её папаша – полковник полиции. Мать трудится главным бухгалтером в крупном банке. Дедушка, и вовсе, армейский генерал-лейтенант в отставке.... Заканчивай, изображая неземную любовь, ладошкой махать. Пошли. Какое у нас купе?

– Кажется, третье.

В купе их встретили попутчики – шустрый молодой человек в очках и благообразный седобородый старичок.

– Владимир Колыпаев, – представился молодой человек. – А это – сэр Грегори Томсон, потомственный австралиец, профессор социологии с мировым именем. Транспортирую данного маститого учёного в Мурманск, дыбы продемонстрировать ему, любопытному, российскую заполярную экзотику. То бишь, бескрайнюю тундру, северных оленей, лопарей и медведей.

– Ес, ес! – оживился профессор. – Мед-ве-ди!

– Это вы, старина, здорово придумали, – перешёл на английский язык Тиль. – Русские медведи – классная тема. Рассказываю первый – из многих – тематический анекдот.... Сидят в берлоге медведь, медведица и медвежонок. Медвежонок просит: – «Папа, покажи человека!». «Я уже раз во-

семь показывал», – возмущается медведь. «Тебе жалко, что ли?», – подключается к разговору медведица. – «Ребёнок же просит. Покажи ещё раз, не ленись!». «Ну, ладно», – глава семейства достаёт шапку-ушанку, надевает её на голову, поднимается на задние лапы и, ходя по берлоге туда-сюда, приговаривает: – «Медведи, медведи.... Откуда здесь медведи?».

– Рили? – искренне восхитился австралиец.

– Гадом буду, – доставая из рюкзака литровую бутылку водки, заверил Серёга. – За это, господа, и выпьем. То бишь, за счастливое возвращение домой. Дабы всякие гнилые обстоятельства – медведи там, шторма, прочая муть мутная – не помешали этому.

– Сплюнь три раза через левое плечо, – выкладывая на вагонный столик жареную курицу, обёрнутую фольгой, посоветовал Лёнька. – И по дереву, братишка, постучать не забудь.

– Отстань, – легкомысленно отмахнулся Тиль. – Итак. Но все прошло. Былого не вернуть. Входите! Громче музыка играй! Танцуйте, молодые! Старцы, пейте! Залей огонь в камине, шалопай. Прекрасней этой ночи нет на свете⁵...

До Мурманска доехали за сутки с крохотным хвостиком.

– Славно прокатились, – покидая вагон, заявил Тиль. – Я даже соскучиться толком не успел.... Кстати, а куда подева-

⁵ – Цитата из трагедии Вильяма Шекспира – «Ромео и Джульетта».

лись компанейский австралийский профессор и его непьющий очкастый экскурсовод?

– Часов пять с половиной назад обоих ссадили с поезда, – беззаботно зевнул Лёнька. – Прямо в крепкие объятия врачей Скорой помощи. Во время остановки на вокзале симпатичного городка, носящего не менее симпатичное название – «Полярные Зори».

– Пищевое отравление не до конца прожаренной курятиной?

– Если бы. Наш седобородый мистер Томсон словил классическую «белочку». Нечаянно, понятное дело.... Забрался на третью полку и стал вопить на весь вагон (на австралийском диалекте английского языка, ясный перец), что его со всех сторон окружили кровожадные русские медведи. Мол, хотят голову откусить. Ну, и так далее...

– Бывает, – передёрнул плечами Серёга. – Слабы, всё же, эти иностранные деятели. Здоровьем, я имею в виду. Жаль, что проспал-пропустил этот красочный спектакль.... Так пламя с порохом – в лобзанье жгучем – взаимно гибнут, и сладчайший мед нам от избытка сладости противен. Излишеством он портит аппетит⁶.... Кстати, а какое сегодня число?

– Третье июля. А, что?

– Ничего. Самый разгар лета на дворе, а здесь – колотун самый натуральный. Градусов двенадцать, не больше.

⁶ – Цитата из трагедии Вильяма Шекспира – «Ромео и Джульетта».

– Скажи спасибо, что плюс двенадцать, а не минус, – хмыкнул, с философской грустинкой, Макаров. – Мы же сейчас находимся километрах в трёхстах от Полярного круга. Если не больше. Крайний Север, образно выражаясь.

– Ага, вспомнил, – дурашливо потряс лохматой головой Тиль. – Мы же собрались на заработки. Типа – в суровое Северное море.... Так, что у нас со временем? До запланированного визита в представительство Statoli ASA/4 осталось почти четыре часа. Пошли, поищем приличную забегаловку. Имею устойчивое и непреодолимое желание – пивком слегка полирнуться. Запах? Не бери в голову. Накупим побольше жевательной резинки. Зажуём на совесть...

Так они и сделали. То есть, зашли в привокзальный буфет, выпили литра по два пива, поймали такси и, набив рты мятной жвачкой, отправились по указанному адресу. Мурманск на приятелей особого впечатления не произвёл.

– Натуральное родимое питерское Купчино, – резюмировал Лёнька. – Только слегка холмистое. Размещённое, так сказать, на склонах нескольких заполярных сопок.

Представительство знаменитой норвежской компании располагалось в правом крыле современного гостиничного комплекса «Арктик-Сити».

– О, наблюдаю широкую светло-серую водную артерию, – покинув такси, объявил Тиль. – Морская губа, надо думать?

– Река Кола, – возразил Макаров. – А Кольский залив, он начинается гораздо севернее. Впрочем, в воздухе, действи-

тельно, ощущается нечто морское...

Возле солидных дверей, на которых размещалась прямоугольная табличка с надписью – «Представительство Statoli ASA/4», собралось порядка тридцати мужичков разного возраста – все с солидными рюкзаками, баулами и прочей походной амуницией-поклажей.

– Привет буровичкам! – громко поздоровался Даниленко. – Сколько народу-то набралось. Хватит ли на всех морских платформ, а? Я уже беспокоиться начинаю...

– На платформы отберут человек пять-шесть, не больше, – откликнулся широкоплечий мосластый паренёк. – Тех, кто реально болтает по-английски. Уже не один раз проверено на практике.

– А, что же с остальными? Неужели разгонят по домам?

– Разгонять, конечно, не будут. Всех возьмут в Норвегию. Работы и на берегу хватает – стропальщиками, грузчиками, разнорабочими, слесарями-ремонтниками. Понятное дело, что «береговые» деньги будут более скромными. Впрочем, если что-то не устраивает, можешь Контракта и не подписывать. Полная свобода выбора и европейская демократия. Как говорится, чемодан – вокзал – скорый поезд...

– Везде всё одинаково, – загрустил Тиль. – Так и норовят, морды жадные и скользкие, обмануть нашего брата-буровика. Пользуясь, понятное дело, российской природной добротой и светлой доверчивостью. Эх, блин горелый... Макаров, может, споём с горя?

– Запросто. А, чего споём-то?

– Того самого. Буровой гимн.

Они, предварительно освободив рты от жевательной резинки и понятливо подмигнув друг другу, слаженно затянули:

Солнце закатилось – спать за облака,
Близится ночная смена.
Я держусь за шпindelь грязного станка,
Кажется – усну мгновенно.

Вдруг, заревёт мотор – со страшной силою,
И, разрывая гробовую тишину,
По миллиметрику, по сантиметру
Коронка лезет, лезет в глубину!

Смерть придёт внезапно – грязной и босой.
Где-нибудь в горах Бырранга.
Стукнет по затылку, только не косою,
А шестидюймовой штангой.

И заревёт мотор со страшной силою,
Когда под гробовую тишину,
По миллиметрику, потом – по меру,
Нас на верёвках спустят в глубину.

По миллиметрику, потом – по меру,
Нас на верёвках спустят в глубину...

У знаменитого «Гимна русских буровиков» было порядка двадцати пяти полноценных куплетов. Но допеть до конца не получилось – по причине дружного возмущённого шипенья и недовольных матерных возгласов. Пришлось замолчать.

– Заканчивайте бузить, орлы, – душевно попросил бородатый тощий дяденька. – Откуда, шумные такие, будете?

– Из Питера, конечно, – с гордостью в голосе сообщил Серёга. – А, что, сразу не видно?

– Видно, – улыбнулся щербатым ртом мосластый парнишка. – Меня, кстати, Володькой зовут. Откликаюсь также на «Вовку» и на «Вована». А этот тощий – Виктор Василич.

– Лёонид, – солидно представился Макаров.

– Тиль, – отрекомендовался Даниленко. – А почему это, блин, петь нельзя? Не понял...

– Чтобы не подставлять товарищей по славной профессии, – доходчиво пояснил Василич. – Последнее это дело. Усекаете, питерские оторвы?

– Не очень, честно говоря.

– Это очень просто. Мы же стоим у дверей иностранной компании. Понимаете? И-но-стран-ной? У них же, европейцев утончённых, своя железобетонная логика. То бишь, они, рожи прямолинейные, привыкли мыслить масштабно. Мол: – «Бузят отдельные, слегка подвыпившие личности? Не важно. Не будет разбираться – кто да что. Всем просителям, на всякий пожарный случай, откажем в работе...». Теперь до-

ехало?

– Доехало, – виновато шмыгнул носом Лёнька. – Не подумали. Погорячились. Были не правы. Каемся. Даже проставиться готовы. Только потом, когда денег на платформах зарабатываем.

– Это точно. Проставимся. Виноваты, – подтвердил Тиль. – И добродетель стать пороком может, когда ее неправильно приложат. Наоборот, деянием иным, порок мы в добродетель обратим⁷.

– Молодцы, понятливые, – приветливо усмехнулся бородач. – Только не просто это – попасть на платформу. Так что, доставайте из рюкзаков русско-английские технические словари и занимайтесь. То бишь, заучивайте, пока не началось собеседование, основные буровые термины в иностранной интерпретации...

⁷ – Цитата из трагедии Вильяма Шекспира – «Ромео и Джульетта».

Глава третья

Северное море – страшная сила

Тестирование-собеседование и подписание Контрактов затянулось до позднего вечера. По завершению всех намеченных мероприятий, представители норвежской компании отобрали восемь человек, которые должны были проследовать на буровые разведочные платформы, расположенные в Северном море. На платформу VS-413/13, в частности, направлялись Лёнька, Тиль, Вован и Василич.

– Хорошая компашка подобралась, – вдумчиво резюмировал Даниленко. – Весёлая, по крайней мере.

– То бишь, скучать не придётся? – подозрительно прищурившись, предположил Василич.

– Это точно. Не придётся. Обещаю...

Тридцать четыре новых сотрудника Statoli ASA/4 ночь провели в комфортабельных гостиничных номерах «Арктик-Сити». За счёт щедрой заграничной компании, понятное дело.

Вроде бы, перед прощанием с любимой Родиной полагалось – по старинному русскому обычаю – крепко попойнствовать. Но ничего толком не получилось. Так, маята одна несерьёзная. Во-первых, деньги у народа, не считая неприкосновенных Евро, почти закончились. А, во-вторых, как-то

неудобно было предаваться отчаянному загулу практически на глазах у новоявленных работодателей.

– Плохая примета – уезжать без полноценной и весёлой отвальной, – устраиваясь на узкой кровати, ворчал Лёнька. – Причём, не первая уже. Не будет, елочки зелёные, доброй дороги. Не будет.... Тьфу-тьфу-тьфу. Стук-стук-стук...

Утром в гостиничном ресторане состоялся сытный завтрак – уже, в полном соответствии с подписанными Контрактами, за казённый счёт. Потом всех загрузили в два солидных импортных автобуса и отвезли в местный аэропорт.

Длинная, до омерзения медлительная очередь. Прохождение паспортного контроля и таможни. Часовое ожиданье в международной зоне. Приглашение на посадку. Симпатичный импортный самолётик. Строгая команда, мол: – «Пристегните, твари, ремни!». Нудная рулёжка с полосы на полосу. Тягостное ожиданье. Короткий разбег. Взлёт. Вязкая дрёма...

Кто-то невежливо потряс за плечо.

– Что надо? – не разлепляя век, поинтересовался Макаров.

– Шоколада, – известил бодрый голос приятеля. – Килограмм пять-шесть. Больше, извините, не съест. У меня желудок маленький. Сморщился и скукожился от регулярного потребления пива.

– Иди к чёрту.

– Просыпайся, чудак! – не отставал Тиль. – Красота про-

сто неопиcуемая. Не пожалеешь, морда. Гадом буду...

Лёнька открыл глаза, отщёлкнул замок самолётного ремня, привстал и, перегнувшись через худющие колени Даниленко, сидевшего в крайнем ряду, заглянул в иллюминатор.

Картинка, представшая взору, завораживала: тёмно-чёрные, местами зеленоватые горы и плато, причудливо изрезанные длинными и узкими, слегка изломанными разноцветными полосами – серыми, серебристыми, тёмно-голубыми.

– Это – знаменитые норвежские фьорды, – любезно пояснил Серёга.

– Они самые. Всю жизнь мечтал увидеть.... Ух, ты! Прямо под нами корабль проплывает. Большой.... Ему навстречу другой идёт. Ещё больше. Действительно, красота. Спасибо, брат, что разбудил...

В положенное время самолёт приземлился в аэропорту норвежского города Тромсё.

Пассажиры покинули самолёт, пешком дошагали до симпатичного здания аэровокзала, получили багаж и, пройдя паспортный контроль, оказались в зале ожидания.

– Что дальше, парни? – засомневался бородатый Василеч. – Куда нам?

– Вон же они, встречающие, – махнул рукой Лёнька. – Зажав в ладошках таблички с текстом, выстроились в ряд.... Ага, вижу нашего клиента. На прямоугольном светло-коричневом куске картона красным фломастером небрежно начер-

тано – «VS-413/13». За мной!

Встречающий – молодой худосочный парнишка, говорящий на причудливой смеси английского и немецкого языков – с грехом пополам объяснил, что необходимо проехать на базу компании, где надо будет пройти подробный инструктаж по технике безопасности и подписать всякие бумажки.

– Надо, так надо, – покладисто согласился Тиль. – Поехали. Веди, Сусанин скандинавский, к автотранспортному средству.

Белый японский микроавтобус, жизнерадостно урча, тронулся в путь. Минут пять-семь за стёклами мелькали чёрно-бурые скалы, покрытые разноцветными лишайниками, далёкие, слегка голубоватые сопки и светло-зелёные «поля» лесотундры, местами заросшие густым кустарником.

– Прямо, как наш сибирский куруманик, – сентиментально вздохнул Вовка. – Это я про высокие кустики разных растений, образующих, переплетаясь между собой, единое целое. Ракита, ольха, ива, вереск, полярная берёза, багульник, прочие полезные растения...

Машина въехала в Тромсё.

– Среднестатистический западноевропейский населенный пункт, рассчитанный тысяч на пятьдесят-семьдесят населения, – вяло прокомментировал Тиль, считавший себя опытным и виды повидавшим путешественником. – Сплошные двух и трёхэтажные коттеджи, церквушки, сине-жёлтые квадратные «коробки» торгово-промышленных зданий. Со-

вершенно ничего особенного и выдающегося, короче говоря. Кроме, понятное дело, величественных горбатых сопок, надменно нависающих над городком.

– Ты, брат, не прав, – не согласился с приятелем начитанный Макаров. – Во-первых, не забывай, что Тромсё расположен почти на четыреста километров севернее Полярного круга. Во-вторых, здесь имеются самые северные в мире: Университет, ботанический сад, планетарий и пивоваренный завод. В-третьих, наличествует несколько вполне приличных футбольных команд. Причём, одна из них регулярно борется за самые высокие места в чемпионате Норвегии.

– Тогда-то оно, конечно. Типа – совсем другое дело. Уважаю.... Опаньки! Да, впечатляет, ёлы-палы.

Микроавтобус въехал на длиннющий мост, элегантно переброшенный над тёмно-голубыми водами.

– Это какой-то фьорд? – спросил любопытный Вовка. – В смысле, под нами?

– Нет, морской залив, – ощущая себя опытным экскурсоводом, пояснил Лёнька. – Сейчас, друзья мои, мы едем по Тромсёйскому мосту, являющемуся одной из главных достопримечательностей этого города. Мост имеет рамно-консольную конструкцию и состоит из пятидесяти восьми пролётов. Его полная длинна – более километра, средняя высота пролётов над уровнем моря – около сорока метров. Приметное, как не крути, сооружение.... Между прочим, Тромсёйский мост был построен за неполные три года. Усекаете?

Внутренний голос мне навязчиво подсказывает, что в нашей современной России аналогичный инженерный объект возводили бы лет десять-пятнадцать. Если, блин вороватый, не дольше. Типа – выгодный бизнес, ничего личного...

Мост остался позади. Микроавтобус, въехав через распахнутые настежь двустворчатые ворота, остановился возле стандартного двухэтажного сборного здания промышленного назначения, выкрашенного в благородный тёмно-синий цвет.

– Вылезайте, господа, – на странном немецко-английском диалекте велел водитель. – Двое идти внутрь. Вон в ту дверь. Двое сидеть на скамеечке и ждать. Удачи!

Автомобиль, коротко бибикнув на прощанье, уехал.

– Имеются ли среди нас некурящие индивидуумы? – приторно нахмурившись, поинтересовался Даниленко. – Променявшие исконную мужскую забаву на – так называемый – здоровый образ жизни?

– Табачным зельем не балуюсь, – откликнулся правильный Василич. – Даже не пробовал ни разу.

– Я тоже, – почему-то засмушался Вован. – То есть, раньше, конечно, покуривал. А потом женился и бросил. Супруга попалась очень строгая. Заставила бросить.

– Бывает, – понятиливо вздохнул Лёнька. – Плавали – знаем... Тогда, ребятки, шагайте на инструктаж. А мы, извиняйте покорно, подымим слегка...

По разные стороны от нужной двери – вдоль длинной сте-

ны – стояло по две скамьи. На одной из них они и обосновались.

Макаров и Даниленко закурили, а Володька и Василич, оставив рюкзаки на попечение товарищей, прошли внутрь здания.

– Пахнет морем, – с удовольствием затягиваясь табачным дымом, глубокомысленно высказался Лёнька. – Прямо как в Мурманске. Но, вместе с тем, чувствуется...э-э-э, что-то чужеродное.

– Это точно, – поддержал Тиль. – Из серии: – «Хоть похоже на Россию, только, всё же, не Россия...». В чём тут дело? Может, в непривычно-избыточной чистоте? Пока ехали от аэропорта – смотреть противно было за автобусные окошки: всё аккуратненькое такое, ухоженное, словно бы кукольно-игрушечное.... А, здесь? Как я понимаю, сейчас мы находимся на территории ремонтно-складской базы, принадлежащей нефтяной компании. Где же, чёрт побери, всякие разные ржавые механизмы и железяки непонятного предназначения? Пустые двухсотлитровые бочки из-под солярки? Почему, в конце-то концов, не наблюдаю на земле – и тут, и там – разнокалиберных масляных пятен? Почему? Не понятно.... Кто мне объяснит?

Подъехал ещё один белый микроавтобус – точная копия первого, и из него браво десантировалось шестеро рослых парней, облачённых в одинаковые ярко-бирюзовые спортивные костюмы, с объёмными кожаными сумками в руках.

Микроавтобус уехал, а парни, обернувшись, с удивлением уставились на Лёньку и Тиля, после чего принялись о чём-то громко галдеть (на совершенно незнакомом языке), и, нагло пересмеиваясь между собой, смешно размахивать руками.

– Что это с ними? – забеспокоился Макаров. – Суеются, волнуются, в нас пальчиками тыкают.

– Сейчас проясним ситуацию, – отправляя окурок в урну, пообещал Даниленко и, поднявшись на ноги, гаркнул на языке туманного Альбиона: – Чего скалимся и веселимся, уважаемые? Здесь вам не бродячий цирк. Да и клоунов поблизости не наблюдается. По крайней мере, профессиональных.... Итак, в чём дело?

После двухсекундной паузы вперёд выступил представительный деятель, физиономию которого украшала рыжая шкиперская борода, и на хорошем английском сообщил:

– Извините, мы никого не хотели обидеть. Просто вы, господа, внешне очень похожи на Тиля Уленшпигеля и Ламме Гудзака. Эти легендарные персонажи очень популярны у нас на родине, в Нидерландах...

– Мы в курсе, – перебил рыжебородого Серёга. – Более того, весьма польщены. Но, тем не менее, это не повод – тыкать пальцами и пошло хихикать. Не правда ли?

Лёнька покинул скамью, взял в руки толстую метровую арматуру, прислонённую к стене здания, несуетливо примерился и, утробно крякнув, ловко «завязал» на середине металлического прута некое подобие пышного узла-банта.

После этого он невозмутимо подтвердил:

– Правда ли, правда ли. Махровое хамство, оно всегда на-
казуемо. Рано или поздно. Так что, земляки славного прин-
ца Вильгельма Оранского, учтите на будущее. Чтобы потом
не обижаться... А сейчас – свободны. Отдыхайте, родные.
Наслаждайтесь целебным приморским воздухом.

Голландцы тут же прониклись, торопливо подхватили
свои кожаные сумки и, неуклюже извиняясь, отправились к
дальней скамье, расположенной по другую сторону – отно-
сительно входных дверей.

– Знай наших, – победно ухмыляясь, пробормотал Тиль. –
Типа – нечего наглеть, меры не зная...

– Значит, в Голландии до сих пор обожают читать и пере-
читывать литературные произведения Шарля де Костера? –
спросил Макаров. – Раз Уленшпигель так дорог голландцам?

– Образ Уленшпигеля.

– В смысле?

– Видишь ли, друг мой Лёньчик, роман де Костера «Ле-
генда о Тиле...» является лишь художественным произведе-
нием. Не более того.

– То есть, никакого Тиля Уленшпигеля – на самом деле –
и не было?

– Трудно сказать однозначно, – признался Даниленко. –
Вполне возможно, что это – просто собирательный образ,
начавший проявляться в народном сознании ещё в четыр-
надцатом-пятнадцатом веках. Этаким среднестатистический

бродяга, плут, шутник и балагур. Ну, как Ходжа Насреддин, храбрый солдат Швейк или же наш Василий Тёркин. Так что, достойный и сообразительный Шарль де Костер просто воспользовался народными легендами и сказаниями – применительно к реалиям шестнадцатого века... Впрочем, отдельные научные источники утверждают, что Тиль Уленшпигель – историческое лицо. Он, якобы, родился примерно в 1300-ом году в городке Кнайтлинге, много путешествовал по Германии, Бельгии и Нидерландам, а потом умер от бубонной чумы в Мельме, в печальном 1350-ом году. Правда, успел оставить после себя целую кучу отборных анекдотов, баек, шуток и разных весёлых историй.... Как оно было на самом деле? Трудно сказать...

Часа через четыре, когда все инструктажи были успешно завершены, а необходимые бумаги подписаны, Оле Далин – старший инженер Statoli ASA/4, отвечающий за комплексную безопасность труда – попросил новых сотрудников построиться рядом с входной дверью. Мол, для последних прощальных наставлений.

Построились, понятное дело.

– Господа, рад был познакомиться, – пресно улыбнувшись, сообщил Далин. – Вы представляете собой полноценную буровую смену. То есть, единую и монолитную команду. Вместе вам предстоит отработать – как минимум – полтора месяца. Дальше поглядим. Ребята, которых вы сегодня замените, после законного отдыха будут переброшены на новую

платформу. Плановая ротация кадров... По составу смены. Предусмотрены два палубных рабочих и два помощника бурильщика. Эти должности займут наши русские коллеги. Далее – бурильщик, крановщик, комплексный механик, моторист, диспетчер. И, конечно же, сменный бригадир. Мистер Ванроуд, подойдите, пожалуйста, – рядом со старшим инженером появился рыжебородый голландец. – Спасибо.... Итак, уважаемые господа буровики, на ближайшие полтора месяца мистер Ванроуд является вашим полновластным начальником, королём, прокурором, адвокатом, депутатом и Богом – в одном лице...

– Влипши в очередной раз, – тихонько пробормотал Макаров. – Хотя по-другому, наверное, и не бывает.

Оле Далин, тем временем, продолжил:

– В единоличную компетенцию сменного бурового бригадира входят следующие понятия-возможности: перераспределять должностные обязанности между подчинёнными, отстранять от работы за грубые нарушения техники безопасности, заполнять ежесуточные ведомости с коэффициентами трудового участия каждого члена бригады, подавать предложения по премированию и депремированию отдельных сотрудников, ну, и многое другое.... Мистер Ванроуд, будут ли у вас какие-либо просьбы и пожелания?

– Будут, – мстительно прищурился голландец. – На ближайшие полтора месяца в моей бригаде, в соответствии с правилами компании, вводится «сухой закон». Поэтому я бы

хотел провести ревизию личного багажа палубных рабочих и помощников бурильщика. Общеизвестно, что русские жить не могут без алкоголя.

– Без вопросов, мы всё понимаем, – развязывая шнуровку рюкзака, широко и добродушно улыбнулся Тиль. – Милости просим, господин бригадир! Не стесняйтесь! Пока наш нрав не искушён и юн, застенчивость – наш лучший опекун⁸...

Определённые результаты, всё же, обыск принёс – у Володьки изъяли две полулитровые банки с пивом, а в боковом кармане рюкзака Даниленко обнаружили плоскую фляжку из нержавеющей стали (грамм, наверное, на четыреста), заполненную качественным армянским коньяком.

«Эх, мистер Ванроуд, простота голландская. Дорого же тебе этот коньячок будет стоить», – подумал Лёнька. – «Тиль тебе этого фортеля не простит. Ни в жизнь. Обязательно, так его и растак, посчитается...».

Дальше всё было просто. Подкатила парочка давешних беленьких микроавтобусов. Загрузились, вернулись в аэропорт, пересели на вертолёт, вылетели. Минут через сорок пять успешно приземлились на буровой платформе VS-413/13. Там их уже ждали десять мужиков со слегка осунувшимися физиономиями – двое русских, три венгра и пятеро датчан – сменный коллектив, жаждущий скорейшей встречи с цивилизованной Большой Землёй.

⁸ – Цитата из трагедии Вильяма Шекспира – «Гамлет».

Приветствия, живой разговор, обмен шутками-прибаутками.

– Прекращаем заниматься ерундой! – скомандовал Ванроуд. – Уже через два с половиной часа нам заступать на смену. Осматриваем бытовые помещения, обживаемся, получаем спецовки и каски, переодеваемся. Времени в обрез.... За мной!

Осмотрелись, обжились, получили, переоделись. В положенное время заступили на смену.

Буровой снаряд находился на поверхности. Вован и Василий подкатили тележку с новым буровым долотом, массивные шарошки которого были оснащены техническими алмазами. Сноровисто окрутили старое долото, поменяли на новое. Тележку откатили в сторону. Прицепили старое долото к стропам. Сытым котом загудел мощный судовой кран.

– Как оно, ребятки? – подойдя, поинтересовался улыбчивый бурильщик Ганс Аарон. – Готовы, бродяги русские, к процессу спуска? Не забыли, как оно делается?

– Дело нехитрое, – скромно улыбнулся Тиль. – Хватай трубы щипцами, да успевай открывать-закрывать элеватор. Начинай, мастер, не сомневайся. Гадом буду – не подгадим...

Длинно и залиvisto взвизгнула-всхлипнула лебёдка, первая труба с навинченным на неё долотом заскользила – внутри колонны обсадных труб – вниз. Процесс, как говорится, пошёл...

В положенное время смена завершилась. Стихли двигатели бурового агрегата и различных насосов – промывочных, дожимных, масляных. Вокруг установилась тишина. Только где-то над Северным морем испуганно кричали-вопили чайки, да в нижних помещениях платформы размеренно и поделовому постукивали дизеля.

Вахтенные обязанности были сданы следующей смене.

– Следуем вниз, принимаем душ, обедаем и ложимся спать, – велел Ванроуд. – Не забывайте, что через семь часов пятьдесят две минуты нам снова предстоит выходить на работу.

– Мы вас догоним, – пообещал Тиль. – Перекурим, для начала, на свежем воздухе.

– Как будет угодно. Только, коллеги, пройдите на северную оконечность платформы. Там оборудована специальная профильная площадка. И, пожалуйста, не выбрасывайте окурки за борт...

Они стояли возле полутораметровых алюминиевых перил, неторопливо курили и задумчиво вглядывались в морские дали.

– А в роли пепельниц выступают пустые консервные банки, наспех закреплённые на прутьях перил, – хмыкнул Даниленко. – Чисто, блин, по-нашему... Чего это, дружок толстый, с твоими глазками? Мечтательные такие, подёрнутые дымкой романтической... Наверное, по давней устоявшей-

ся привычке, стишки сочиняешь?

– Есть такое дело, – сознался Лёнька.

– И, пардон, как успехи?

– Сочинил.

– Тогда зачти.

– Слушай...

Море ластится – обманчиво – доверчиво.

Где-то там внизу – метрах в пятидесяти пяти от горизонтальной плиты платформы.

Сизо-фиолетовый закат. Поздний вечер.

Ерунда. Другое я помню.

Впрочем, кому она нужна, моя сраная память?

Никому.

Море. Волны. Лёгкая туманная замять...

Питер, оставшийся где-то вдали?

Перестаньте, господа.

Старая ржавая баржа – лет так сорок тому назад – засевавшая на мели,

Навсегда.

Волны, несущиеся – по страшной скорости – к берегу.

Серые такие, хищные...

Чайки наглые, насмешливые.

Лишние.

Первая смена закончилась.

По идее – должен быть устать.

Пожевать норвежских котлеток

И завалиться спать...

Может, и устал.

Но спать совсем не хочется.

Мысли бродят – в голове – разные.

Как же я – ненавижу – одиночество!

Как же я не люблю – праздники...

И ещё – чисто – напоследок.

Я очень люблю – пиво.

Тут его нет – и в помине.

На все стороны света – Северное море – подмигивает
криво.

Северное море. Страшная сила...

Глава четвёртая

Сиреневый туман – над нами проплывает

Перекурили, спустились в бытовой отсек, посетили душ, перекусили – по полной программе – норвежскими рыбными котлетками и прочими деликатесами, после чего завалились спать.

Их «бытовая приватная территория», выражаясь по-местному, была рассчитана на четыре усталые персоны. В данном случае – на четыре русские персоны. Усталые? В меру, мать его. В меру...

– Странно, но никаких запоров и защёлок на дверях не предусмотрено, – пожаловался хозяйственный Василич. – Даже не закрыться.

– Серьёзно? – заинтересовался Тиль.

– Гадом буду. Как ты любишь выражаться. Спокойной ночи, буровые соратники. Смерть придёт внезапно – грязной и босой...

Лёнька ощутил – на уровне природного инстинкта – некое непонятное движение.

– Спите, спите, – долетело бормотанье знакомого голоса. – Это я так. По нужде. Спите...

Тихо и ненавязчиво зазвенел казённый будильник.

Прошелестело. Простучало. Раздался шум льющейся воды. Где-то басовито загудел электрический чайник. Раз-другой глухо хлопнул холодильник.

– Пора, однако, вставать, – сонно пробормотал Лёнька. – Пока ванную не заняли...

На норвежской буровой платформе не существовало таких глупых понятий, как: завтрак-обед-ужин. График – «четыре через восемь», та ещё штучка, сбивающая напрочь любые представления о реальном времени суток. Поэтому – просто «еда».

Да и общей столовой не существовало. Три смены, значит, три «бытовые территории». Плюс четвертая – для местной аристократической элиты: капитана платформы и прочих важных особ, палец о палец не ударяющих. Бывает. Типа – поганый капитализм в действии....

Еду, короче говоря, подавали прямо в «общее помещение» каждого бытового отделения.

Проснулся, позевал от души, почесался, умылся, оделся, вышел в «кают-компанию», а стол уже жрачкой заставлен. Очень, знаете ли, удобно и правильно. Высший писк, типа – крысиный. Или же шик – парижско-миланский. Мать вашу, кулинарную затейницу...

Лёнька, справив нужду и наскоро умывшись, пристроился за обеденным столом.

– Омлет из порошка сварганили, – жадно чавкая, доложил

Тиль. – Суки гнусные и жадные. На всём экономят. И в вишнёвом соке ощущаются характерные химические нотки.

– Зато бекон – самый натуральный, – сообщил Василич.

– Ну, ты скажешь! Бекон... Его подделать очень трудно.

То бишь, полностью невозможно...

За соседним столом, где завтракали голландцы, тоже было шумно – смешки и шуточки практически не стихали.

– А, где наш сменный бригадир? – забеспокоился Вован. – Неужели, их благородие проспать изволили?

Тихонько скрипнула дверь каюты, где в гордом одиночестве квартировал мистер Ванроуд, после чего в помещении установилась тревожная и вязкая тишина.

Макаров обернулся и непроизвольно – от неожиданности – громко икнул.

На пороге спальни стоял сменный бригадир, облачённый в ярко-оранжевые семейные трусы. Упитанное тело Ванроуда – с головы до ног, включая и некогда рыжую шкиперскую бородку – было покрыто бело-сине-красными полосами.

– Цвета российского флага, – тихонько восхитился Василич. – Натуральная картина маслом.

– Вернее, качественной зубной пастой. То бишь, русская народная забава. Старинная и пионерская. Три тубика ушло. Будет знать, гнида рыжая, как коньяк отбирать у честных людей, – пояснил шёпотом Тиль, после чего – уже в полный голос – невинно поинтересовался: – Это вы, господин начальник, решили поиграть в отважных североамери-

канских индейцев? Типа – вышли на тропу войны?

– Узнаю, чья это проделка – со света сживу, – зло скрипнув зубами, пообещал Ванроуд. – Выброшу в суровое Северное море на корм голодным акулам...

«Ну-ну, ухарь разноцветный. Выбросил один такой», – мысленно усмехнулся Лёнька. – «Кишка, блин, тонка. Да и акулы здешние воды не балуют своим вниманием, предпочитая благословенные тропические широты...».

Дверь – с громоподобным стуком – захлопнулась.

– Пошли-ка, ребяташки, в тутошнюю «гардеробную», – подчёркнуто-равнодушным голосом предложил Даниленко. – Скоро, как-никак, на смену заступать. Рядись – во что позволит кошелек, но не франти – богато, но без вычур. По платью познаётся человек⁹...

– Шутка ещё не закончена? – едва сдерживая смех, спросил догадливый Володька.

– Ага. Я мыло из бригадирского душа конфисковал, шампунь вылил в раковину, а пластиковый пузырёк наполнил «жидким стеклом»¹⁰, которого в любом солидном буровом хозяйстве – хоть залейся.

– Да, пора, от греха подальше, сматываться, – поднимаюсь из-за стола, подытожил Леонид. – Сейчас такие звонкие вопли начнутся – мама не горюй...

⁹ – Цитата из трагедии Вильяма Шекспира – «Гамлет».

¹⁰ – «Жидкое стекло» – разновидность силикатного клея, широко применяется при приготовлении буровых растворов.

Впрочем, никаких серьёзных последствий эта дурацкая клоунская выходка за собой не повлекла. Ванроуд оказался – на удивление – приличным человеком, и скандала раздуть не стал. Только сходил к местному начальнику складских служб и разжился надёжной защёлкой-щеколдой.

Правда, установить запорное устройство сам не смог – по причине кривоватых ручонков, растущих из голландской упитанной задницы. Василич, добрая душа, сбегав за дрелью, шурупами и дюбелями, помог. А, как же иначе? Буровик буровику, как известно, друг, товарищ и брат...

Через две недели произошло маленькое чудо.

– Объявляется выходной. Вернее, сразу два. То есть, на две стандартные четырёхчасовые смены, – объявил во время приёма пищи Ванроуд. – Существует авторитетное мнение, что наша скважина начала отклоняться в сторону от намеченной траектории. Прилетели геофизики. Будут опускать вниз всякую хитрую аппаратуру. Что-то там измерять. Так что, на ближайшие двадцать четыре часа все свободны. Отдыхайте, бродяги. Желательно, с пользой. Например, организуйте международный шахматный турнир...

– Повезло, однако, – облегчённо вздохнул Лёнька. – Сегодня же у нас семнадцатое июля, день моего рождения. Говорят, что в такой знаменательный день имениннику нельзя работать.

– Плохая примета? – насмешливо прищурился Данилен-

ко.

– Угадал, она самая... Кстати, а где твой, то есть, мой подарок?

– Обязательно будет, – заверил приятель. – Минут через двадцать поднимайся на верхнюю палубу. Увидишь... Ты, ведь, последние лет десять-двенадцать день рожденья отмечал сугубо на рыбалке?

– Конечно. Разве бывает по-другому?

– Вот, и я про то же. Ладно, пошёл. Дела. А ты, брат, пока чайку попей. Со свежими норвежскими плюшками и пирожками, понятное дело. Встретимся наверну...

Через оговорённые двадцать минут Макаров направился на верхнюю палубу. Неторопливо поднимаясь по ступеням узкой лесенки, он слегка насторожился – сверху доносились странные звуки:

– Хр-р-р! Хр-р-р! Хр-р-р!

Выбравшись на палубу, Леонид радостно улыбнулся – возле алюминиевых перилл, ограждающих буровую платформу по периметру, располагалась жёлто-голубая надувная лодка, уже накаченная на четыре пятых, а «хрюкающие» звуки издавал – под воздействием мускулистой ноги Тиля – компактный насос, именуемый в простонародье «лягушкой».

– Бытовой консерватизм – отличная штукавина, заслуживающая искреннего уважения, – небрежно оттолкнув насос в сторону и тщательно завернув пробку на лодочном клапане,

известил Серёга. – У тебя, братишка, наличествует устойчивая привычка – праздновать день рождения именно на рыбалке?

– Имеется, – подтвердил Лёнька. – Только лодки маловато будет. Ещё, как минимум, удочки нужны.

– Достал. Поль Ларсен, местный завсклада, мужик запасливый. Судя по всему, у него есть абсолютно всё. Выдал две надёжные удочки для ловли в отвес. Лески на катушках намотано метров по семьдесят-восемьдесят. Имеется коробочка со стандартными блёсенками. Кстати, сегодня на море, как раз, наблюдается полный штиль. Идеальная погода. Следовательно, обойдёмся без якоря.

– А, на что мы будем рыбачить?

– Вот, миска с креветками. Я их разморозил в микроволновке.... Ну, как тебе дружеский подарочек?

– Шик и блеск. Спасибо большое.

– Не за что. Заходите ещё. Где дальновидность только подводила¹¹...

Они прошли в «гардеробную», переоделись в рабочие спецовки – ярко-красные клеёнчато-брезентовые штаны и куртки, а на ноги надели тёмно-зелёные резиновые (полихлорвиниловые?) сапоги.

– Может, под куртки напаялим по тёплому свитеру? – предложил Тиль. – Сегодня, конечно, не холодно, на уровне плюс двенадцати. Но, всё же, Северное море. От него, родимого,

¹¹ – Цитата их трагедии Вильяма Шекспира – «Гамлет».

всего можно ожидать.

– Напялим, не вопрос, – согласился Макаров. – Жаль, что выпить нечего. Непорядок.

– Здесь, извини, ничем помочь не могу. Сухой закон, будь он неладен.... Так, пошли на кухню. Захватим чего-нибудь пожрать.

На кухне к ним неожиданно подошёл рыжебородый Ванроуд – первым делом, попросил далеко не отплывать от буровой платформы, после чего поздравил Леонида с днём рождения, оглянувшись по сторонам, вручил фляжку из нержавеющей стали, наполненную коньяком и, заговорщицки подмигнув, попросил:

– Никому, пожалуйста, не рассказывайте. Пусть этот алкогольный момент, злостно нарушающий бытовую дисциплину, останется между нами...

Они – с помощью Вовки, Василича и длинной верёвки – спустили резиновую лодку на воду. Потом набросили на плечные сумки с продовольствием, удочками и прочим, закрепили за спинами по веслу и – по узкой специальной лесенке, надёжно приваренной к одной из «ног» платформы – полезли вниз.

– Ни чешуи вам, ни хвостика! – традиционно пожелал Василич.

– К чёрту! – отозвался Лёнька.

Над морем царило полное безветрие. Серые воды разме-

ренно покачивались – словно фруктовое магазинное желе, случайно упавшее на пол. Светло-жёлтое северное солнышко боязливо проглядывало через узкий просвет в белых кучевых облаках.

Когда лодка отплыла от платформы метров на двести пятьдесят, Тиль перестал грести и предложил:

– Давай, здесь попробуем?

– Попробуем, – привязывая к концу лески узкую светлую блесну, согласился Лёнька. – Почему бы и нет? Смотри-ка ты, лодка застыла на месте, словно мы стоим на якоре.

– Ветра нет, всякие течения отсутствуют.... Держи креветки.

Тяжёлая блесёнка уверенно ушла под воду. Макаров принялся сматывать с катушки леску, тихонько считая:

– Примерно метр, второй, третий, четвёртый.... Удар! Есть контакт!

Несколько движений руками, и у него в ладонях оказалась небольшая – грамм на сто пятьдесят – серебристая рыбёшка.

– Кажется, ставридка, – предположил Тиль. – Хотя, могу и ошибаться. В морской рыбе – в отличие от озёрной и речной – я мало что понимаю.

– Ставридка, так ставридка. Ничего не имею против. Дайка мне пустой полиэтиленовый пакет. Ага, спасибо. Продолжаем наш процесс...

Клёв был активным и весёлым. Через полчаса в пакете бодро прыгало около двадцати шустрых рыбёшек.

– На пару сковородок уже наловили, – одобрил Лёнька. – Только мелковата, на мой частный взгляд, добыча. Хотелось бы поймать что-нибудь посолиднее. Воспользуюсь, пожалуй, озёрным опытом...

Он ловко и непринуждённо насадил на крючки тройника по несколько жёлто-чёрных глаз ставриды, бросил блесну за борт и стравил с катушки порядка двадцати метров лески.

Уже через пару-тройку минут эта рыбацкая хитрость была полноценно вознаграждена, и Макаров вытащил из морской воды упитанную полуторакилограммовую треску.

– Совсем другое дело! Поздравляю! – обрадовался за друга Тиль и достал из кармана куртки фляжку. – Предлагаю выпить за рыбацкую удачу! Ну, и за твой день рожденья, ясен пень. Держи, глотай. Ещё.... Молодец, хватай бутерброд с копчёной колбаской. Насаживайте ложь, и на живца ловите карпа правды. Так все мы, люди дальнего ума, издалека, обходом, стороною, с кривых путей выходим на прямой¹²...

Вернув фляжку, Лёнька поднёс аппетитный бутерброд ко рту, но тут же, опустив руку, задрал голову вверх – на резкие и тревожные звуки.

– Приличная стая диких гусей чешет к берегу, – пояснил Даниленко. – С чего бы это, вдруг? Впрочем, их дела.... Ладно, дружище, твоё здоровье! Буль-буль-буль.... Хорош напиток! Хорош, ничего не скажешь.... Смотри, правее наблюдается ещё одна птичья стая.

¹² – Цитата из трагедии Вильяма Шекспира – «Гамлет».

– Это, похоже, очень большие чайки. То бишь, морские бакланы.

– И с левой стороны птицы летят. Утки? Серые гуси? Или же казарки?

– Не знаю, – вертя головой по сторонам, признался Макаров. – Меня, впрочем, сейчас не птички волнуют-интересуют...

– А, что же тогда? Наверное, рыбки?

– Не угадал. Посмотри-ка в сторону открытого моря.

– Ух, ты, носороги носатые! – восхитился Тиль. – Сиреневая стена наплывает прямо на нас. Высокая такая, почти до самого неба. Похоже, идёт густой туман.

– Передай-ка мне фляжку, – попросил Лёнька, и, побулькав от души, затыкнул: – Сиреневый туман – над нами – проплывает. Над тамбуром горит – полночная звезда. Кондуктор не спешит. Кондуктор понимает, что с девушкой я – прощаюсь навсегда...

Пришёл туман. Нет, не так.

Плотный сиреневый туман поглотил их – сразу, полностью, жадно и решительно. Раз, и всё...

Вокруг установилась полная и абсолютная тишина – был слышен только взволнованный перестук двух сердец. Ужасно чесались барабанные перепонки.

«А ещё чётко-чётко ощущается-угадывается ход Времени», – подумал Макаров. – «Или же это окружающее Пространство – медленно-медленно – поворачивается вокруг

собственной невидимой оси?».

Сиреневый туман отступил, рассеялся, растворился.

По безбрежной морской глади отчаянно заплясали-запрыгали легкомысленные солнечные блики.

– Сколько времени мы провели в тумане? – спросил Лёнька. – Минут пять? Десять?

– Минут? – удивился Тиль. – Мне показалось, что несколько полновесных часов.... Между прочим, буровая платформа VS-413/13 пропала.

– Как это – пропала?

– Так это. Исчезла. Неожиданно и бесследно. Мать его. А ты, дружище, здесь. Вместе со мной...

Глава пятая

Сюрпризы на берегу

Макаров, опираясь ладонями на тугой лодочный борт, осторожно поднялся на ноги.

– Э-э, – забеспокоился напарник. – Поаккуратней, пожалуйста. Как бы не перевернуться.... Ну, чего разглядел-то?

– Ничего интересного и заслуживающего внимания. Море, море, море.... Только на юго-востоке, судя по солнцу, виднеется туманная дымка, сквозь которую проглядывают крохотные чёрные точки и чёрточки. Это, надо думать, части-элементы горной прибрежной страны – всякие там пики, плато и седловины перевалов.... Буровой платформы, увы, не вижу. Наверное, нашу лодку отнесло далеко в сторону. Чем, интересуешься, отнесло? Возможно, что недавним сиреневым туманом. Больно, уж, он был вязким, тяжёлым и плотным. То есть, «прихватил» нас, сволочь приставучая, и протащил на несколько километров. Чего только не случается на этом странном Свете...

– И, что будем делать?

– Понятия не имею, – признался Лёнька. – Я, как назло, мобильник в каюте оставил.

– И я.

– Давай, здесь поплаваем немножко? Типа – широкими

кругами, ориентируясь на солнышко? Вдруг, и отыщем пропавшую.

– Поплаваем, конечно...

Минут через двадцать Тиль сообщил:

– С севера-запада планомерно наползают тёмно-сизые грозовые облака. Слышишь – далёкие раскаты грома? Вот, и ветер задул резкими порывами. Волна пошла. Плохи дела.

– Не скажи. Могло быть и гораздо хуже.

– Куда, блин норвежский, хуже?

– Ветер дует в берег, – пояснил Макаров. – Погребём в том же направлении. Пристанем к берегу, выйдем к человеческому жилью. Свяжемся с платформой, или же с базой в Тромсё. Объясним ситуацию. Мол, так и так, случайно заблудились.... А если бы ветер дул в противоположном направлении? Унесло бы, век свежего пива не пить, в открытое море. Поминай, как звали.

– Ругаться, конечно, будут. И по деньгам, сто процентов, накажут. То бишь, депремируют. Ладно, гребём. Других вариантов не наблюдается, а ветер крепчает прямо на глазах.

Ветер, действительно, крепчал. Волны становились всё выше и выше. Они уже с лёгкостью догоняли и перегоняли надувную лодку, безжалостно бросая её из стороны в сторону.

Несмолкаемый визгливый вой ветра, потоки холодной воды, безостановочно летящие через лодочную корму, редкие крупные капли дождя, ярко-жёлтые изломанные мол-

нии, глумливые и оглушительные раскаты грома. Короче говоря, ничего приятного. Хорошо ещё, что ярко-красные буровые куртки (с капюшонами), и штаны были непромокаемыми. Слабое утешенье, но, всё же...

Через несколько часов впереди показался берег.

– Меняемся местами, – велел Лёнька. – Я сяду на вёсла. Ты уже малость подустал, а впереди... м-м-м, ничего хорошего не наблюдается. Сплошные чёрные ребристые скалы, о которые – со страшной силой – разбиваются морские волны. Мясорубка, мать его, натуральная.

Заняв место на заднем сиденье, Даниленко уточнил:

– Что мне делать?

– Высматривай подходящее место для причаливания. Я сейчас пойду наискосок по отношению к берегу. Так что, не зевай.

– Понял.... Пока ничего подходящего. Правым веслом работай активней! Правым! А левым, наоборот, табань.... Навались, иначе долбанёмся о торчащий из воды камень. Навались! Молодец, пронесло.... Вижу проход в скалах! Поворачивай направо! Ещё! Ещё немного! Достаточно. Вперёд!

Лодка с разгона ткнулась носом в низкую песчаную косу. Одновременно с этим раздалось громкое змеиное шипенье.

– Пропороли-таки лодочку, – огорчился Макаров. – Видимо, случайно чиркнули бортом об острую грань гнейсовой скалы. Жалко.

– Да и Бог с ним, – отмахнулся Тиль. – Подумаешь. Потом

заплатим сполна за испорченное казённое имущество, и все дела. Пошли, брат, поищем людей. Прощай, лодочка! Спасибо за помощь. Искать того напрасно, кто не желает, чтоб его нашли¹³...

Скалы, скалы, скалы – черные, серые, бурые, поросшие мхами и лишайниками.

– Ерунда какая-то, – на ходу ворчал Лёнька. – Уже примерно на полкилометра отошли от берега, а вокруг всё одно и то же – скалы, скалы, скалы.... Ага, кажется, начинается заметный подъём, да и камней с рвано-острыми краями под ногами стало гораздо меньше. Похоже, что сейчас мы двигаемся по пологому склону сопки. Хорошо ещё, что дождик перестал. Грозовые облака благородно откочевали к югу.

Подъём всё длился и длился. Незаметно наступил светло-фиолетовый вечер, начало темнеть.

– Выходим на вершину..., – хрипло выдыхая, объявил Тиль. – Так, вроде вышли. А, что дальше? Хрень какая-то – насквозь непонятная и неправильная...

– Странные дела, – смахивая ладонью со лба капельки пота, согласился Макаров. – Сплошная призрачная темнота. Ни единого огонька вокруг.... Нет, я всё понимаю, мол, северная оконечность Норвегии, четыреста с лишним километров за Полярным Кругом. Но, всё же.... Мы сейчас стоим на вершине сопки. Обзор – лучше не бывает. Километров, наверное, на..., хрен знает на сколько. И – ни одного жилого

¹³ – Цитата из трагедии Вильяма Шекспира – «Ромео и Джульетта».

огонька? Как, Серёга, такое может быть? Может, произошла какая-то серьёзная авария, связанная с электричеством?

– Жилые огоньки, говоришь? Ну-ну. Ерунда это, между нами говоря. То бишь, незначительная мелочь. Из серии – всякое бывает. В том числе, и техногенные аварии.... А куда, спрашивается, подевались два многополосных шоссе? Я же чётко помню географическую карту. Одно шоссе должно проходить с той стороны сопки, откуда мы пришли. Второе – с этой. Закавыка, однако. Вернее, шарада неразрешимая.

– Может, это и не Норвегия вовсе? В том смысле, что чёртов туман затащил нас э-э-э...

– Куда – затащил?

– А чёрт его знает – куда!

– В том-то всё и дело, что непонятно, – тяжело вздохнул Даниленко. – Совершенно ничего непонятно. Ничего.... Ладно, ночь приближается, пора задуматься о комфортабельном походном лагере. Там, ниже по склону, я заметил подходящую лощинку – ручеёк ненавязчиво шумит, имеется наполовину засохший кустарник. То бишь, куруманик, как выражается наш Вовочка, выросший в Сибири.... Пошли, брат.

– Пошли.

Они отыскивали на берегу ручья подходящую ровную площадку, оперативно наломали сухих веток ракиты, развели аккуратный и яркий костерок.

– Пройдусь вдоль русла, поищу более серьёзных дрови-

шек, – сообщил Тиль. – А, что ты задумал?

– Пойманную ставриду почищу и выпотрошу. Я догадался перочинный ножик прихватить с собой.

– Знаешь, я рыбу, конечно, люблю ловить. А, вот, кушать – не очень. Тем более, у нас собой нет ни сковороды, ни кастрюльки, ни соли. . . . Как ты её будешь готовить?

– Насажу на прутики вереска и запекую над костром.

– Фу, уже слегка подташнивает. . . . Может, не надо? Типа – рыбу выбросим, а поужинаем бутербродами?

– Не пойдёт, – нахмурился Леонид. – Ты не забыл, что вокруг наблюдается сплошная и безлюдная глухомань? Поэтому надо к продовольствию относиться бережно, трепетно и уважительно. Когда ещё мы доберёмся до людей? Молчишь? Вот, то-то же. . . . Поэтому на сегодняшний вечер и на завтрашнее утро объявляется «рыбный день». Сейчас ставридку покусам, а с утра – треску. Извини, но так надо. А два бутерброда и упаковка норвежских сосисок автоматически переходят в категорию – «неприкосновенный запас». . .

Даниленко приволок и подбросил в костёр парочку приличных берёзовых коряжин.

– Прошу к столу, – пригласил Лёнька. – Рыбка приготовилась.

Они допили коньяк, закусили ставридой, закурили.

– Какая, всё-таки, гадость, эта ваша запечённая и совершенно несолёная рыба, – брезгливо поморщился Тиль. – Смотри, сколько звёзд высыпало на небе! Крупные все та-

кие, неправдоподобно-яркие.... Слышишь? Ночной филин тревожно заухал. А, воздух? Чистый и безумно-вкусный.

– Чистый, спорить не буду. Вкусный. Но первобытной дикостью – так и шибает в нос...

Наступило утро – прохладное, влажное и промозглое.

– Вершина сопки скрыта в молочно-белом тумане, – зябко передёрнул плечами Макаров. – Хорошо, что вчера мы свитера одели.

– Это точно, – поддержал напарник. – Что предложишь по тактическим планам на сегодняшний день?

– Писаем, умываемся, кушаем треску, запиваем чистой водичкой из ручья и выступаем.

– Бр-р-р! Эта водичка из ручья.... Ледяная, до полной невозможности. Вчера с вечера глотнул пару раз, а сегодня зубы ноют.... Ладно, а куда, пардон, выступаем?

– Конечно, на юго-запад, – нервно передёрнул плечами Лёнька. – Именно там, по моему мнению, и должен находиться Тромсё.... Кстати, существует ещё одна странность, я ещё намедни заметил. Мы же – по идее – находимся практически в тундре. Верно? Посмотри направо. Несколько высоких ёлок и берёз. Да и вчера вечером нам на пути регулярно попадались серьёзные сосёнки. Бред бредовый...

Они пописали, умылись, перекусили, попили водички из ручья, набросили на плечи сумки, выступили.

Прошли по склону, потом по пологой седловине перешли

на склон соседней сопки, дошагали до вершины.

– Ложись! – неожиданно скомандовал Тиль, шедший чуть впереди. – Ничего себе – картиночка...

С вершины – через густые ветки кустиков голубики – открывался отличный вид на широкую долину, по которой неторопливо бродили многие тысячи тёмно-бурых животных.

– Северные олени, – зачарованно пробормотал Макаров. – И это, в принципе, нормально. В Норвегии их много. Интернет утверждает, что почти двести тысяч голов.... Чем это так воняет? А, Серёж?

– Ветер дует прямо на нас. Причём, со стороны людского поселения. Видишь?

– Точно, посёлок.

– Оттуда вонь и идёт.

Поселение, до которого было порядка четырёхсот пятидесяти метров, было чётко разделено светло-серой речушкой на две примерно равные части. Правая часть состояла из двухсот маленьких, буро-серых усечённых пирамидок, между которыми активно суетились светлые людские фигурки. По левой стороне реки, выстроившись неровными рядами, размещались крохотные рубленые избушки – без окон, с покатыми крышами, крытыми дёрном. Общим количество около сотни. Там людей не наблюдалось.

– Скорее всего, кино снимают, – неуверенно хмыкнул Лёнька. – Про древнюю и вольную жизнь.

– Почему ты так решил?

– Понимаешь, несколько лет тому назад я с одним приятелем ездил на Кольский полуостров. Порыбачить, природе посмотреть, поискать следы загадочной страны Гипербореи¹⁴...

– И, как? Нашли?

– Так, кое-что. Но дело не в этом... Посетили мы – проездом, понятное дело – старинное село Ловозеро, где испокон веков обитают лопари, то есть, саамы, если выражаться по-европейски. Так вот, в Ловозере для туристов построено некое подобие старинного лопарского поселения. Мол, так дикие лопари жили лет сто пятьдесят назад. Очень похоже на картинку, за которой мы сейчас наблюдаем... Только масштабы в Ловозере были более скромными. С десятков буро-серых усечённых пирамидок. Это – так называемые «вежи». Их каркасы изготавливают из сосновых жердей, переплетают берёзовыми и осиновыми ветками, тщательно обкладывают толстым слоем дёрна, пол очень плотно застилают еловым лапником, а лапник сверху накрывают оленьими шкурами. В центре каждого такого шалаша из специальных камней сложен грубый очаг для костра. В вежах лопари живут, в основном, в тёплое время года. В Ловозере было построено и несколько рубленых избушек без окон. Это – пырты. В них семьи лопарей обитают зимой, ранней весной и поздней

¹⁴ – Гиперборея – в древней мифологии – легендарная северная страна, место обитания блаженного народа гипербореев.

осенью...

– Что же тебя смущает? – удивился Тиль. – Вот, тебе вежи, между которыми бродят тутошные саамы. А вон – пырты, оставленные жителями на летний сезон.

– Перечисляю по порядку. Смущают масштабы. Две сотни веж, и добрая сотня пырт? Зачем так много? Туристы удовлетворятся и более скромными количествами.... Снимают художественный или же научно-популярный фильм? А, где же съёмочная группа? Более того, я не вижу ни дороги, по которой эта съёмочная группа может подъехать сюда, ни ровной площадки, где может приземлиться вертолёт.... Далее, некоторые пырты, построенные в Ловозере, были оснащены печными трубами, сложенными из дикого камня. Здесь же трубы отсутствуют – как класс.... Последнее. Эта противная вонь. Какое отношение гадкие бытовые запахи имеют к съёмкам современного фильма? Никакого.... Видишь, между вежами расставлены длинные стеллажи? Там, похоже, развешены куски свежего оленьего мяса, которые подвяливаются на ветру.

– Поэтому ты и предлагаешь, учитывая все эти мелкие нестыковки, обойти саамское стойбище-поселение стороной?

– Не только поэтому, – слегка смутился Леонид. – Имеются ещё два важных и веских повода.

– Каких, например?

– Во-первых, дурное предчувствие. Во-вторых, внутрен-

ний голос настойчиво советует.

– Предчувствия, голоса, приметы, – презрительно скри-
вился Даниленко. – Глупости сплошные...

– Глупости, говоришь? Иди ты к чёрту, дылда белобры-
сая! Я тебе говорил, что номер буровой платформы, где
два раза подряд повторяется цифра «тринадцать», является
несчастливым? Чего молчишь-то?

– Кажется, говорил.

– А, кто в вагоне скорого поезда «Санкт-Петербург – Мур-
манск», провозглашая тост за счастливое возвращение до-
мой, не захотел трижды сплюнуть через левое плечо и усерд-
но постучать по дереву? Изволь, брат, ответить!

– Ну, я.

– Родину мы покинули без серьёзной отвальной?

– Твоя правда.

– Вот, видишь! – не на шутку разошёлся Лёнька. – Так
что, работают народные приметы! Ещё как – работают....

После короткого совещания они решили, что стоит, не
вступая в плотное общение с саамами, вернуться поближе к
морскому побережью и идти к Тромсё.

Через час с небольшим путники вышли на узкую дорогу.

– Наблюдается чёткая колёсная колея и многочисленные
следы копыт, – внимательно присмотревшись к дорожному
полотну, сообщил Тиль. – Скорее всего, лошадиных. При-
чём, как с подковами, так и без.... Дорожка ведёт в сторону
моря. Шагаем?

– Шагаем.

Поворот, второй, впереди показался морской берег.

– Ага, здесь дурацкие обломки чёрных скал отсутствуют, – обрадовался Макаров. – Дорога упорно петляет между низкими песчаными дюнами, которые подходят непосредственно к кромке прибоя. Отдельно стоящие разлапистые сосны, чахлые кустики вереска. Симпатичные пейзажи, слегка напоминающие прибалтийские.... А, что это виднеется на берегу? Громоздкое такое, напоминающее...м-м-м...

– Кораблик?

– Точно.... Подойдём?

Ноги тонули в зыбком предательском песке, поэтому на преодоление сорока-пятидесяти метров, отделявших дорогу от морского судна, ушло несколько минут.

– Ладья викингов, – торжественно объявил Тиль. – По крайней мере, именно так и выглядят легендарные корабли викингов в голливудских тематических кинофильмах. Причём, очень старенькая ладья. Ей лет восемьдесят будет, если не больше...

– Уверен?

– На все сто процентов. Борта наполовину вросли в зыбучий песок. Смотри, пальцем проткнул доску насквозь. Труха сплошная.

– Я не об этом, – вздохнул Лёнька. – А про викингов.... Может, обычная лодочка?

– Чья деревянная морда расположена на носу плавсред-

ства?

– Трудно сказать. Время, дожди и ветер постарались от души.... Может, лошадиная?

– Сам ты – лошадиная! – беззаботно хохотнул Даниленко. – Это, братец, самый натуральный дракон. Скандинавский дракон, ясная оленья печёнка.... О, слышишь?

– Кажется, кто-то поёт.

– Точно, поёт.... Давай-ка, спрячемся за борт судёнышка и понаблюдаем. Чисто на всякий случай....

Из-за дорожного поворота показался рослый и кряжистый мужик, ведущий в поводу буро-пегого ослика, гружённого двумя объёмными холщовыми мешками.

«Может, мула?», – засомневался про себя Леонид. – «Больно, уж, эта длинноухая животина высока в холке.... А сам мужичок одет – более чем странно. Какой-то бесформенный зипун неопределённого цвета. Штаны, украшенные на коленях неаккуратными прямоугольными заплатами. На голове красуется дурацкий войлочный колпак, из-под которого выбиваются свалявшиеся и сальные пряди светлых волос...».

Путник увлечённо и громко распевал:

Осень, она многолика.

Старый закат – вдали

Теплится – нежным криком

Полузабытой – Любви.

Теплится – цветом синим.
Бедам всем вопреки.
Словно – неяркий иней
На перекрёстках Любви.

На перекрёстках коварных.
Осень. Печален Мир.
Сон мой – забытый, давний.
Иней – на кистях рябин.

Кисти рябин и – иней.
Зябликов суета.
Пусть будет так – отныне,
Ты у меня одна.

Иней на сердце? Растает.
Путь – как всегда – далёк.
Гуси гогочут – стаей.
Парус – опять – одиночок...

Гуси гогочут – стаей.
Парус – опять – одиночок...

Песенка закончилась.

– Стой, Йорген! – строгим голосом велел мужичок. –
Мешки поправлю, сбились на сторону.... И что теперь при-
кажешь делать, старина? Приплывут нынче голландские тор-
говые корабли? Не приплывут? Сколько их будет? Говорят,

что во Фландрии нынче неспокойно. Мол, верные и упёртые слуги злобного короля Филиппа зверствуют вовсю – пытаются, жгут и в землю заживо закапывают тамошних людишек. Мол, герцог Альба войска собирает. Готовится в поход.... Что теперь делать? Сколько закупать у саамов оленьих языков и печёнки? Да и сортовой хмель потихоньку заканчивается. Если голландские купцы не приплывут, то и дельного пива будет не сварить. Наш лесной хмель – это совсем не то. Так, баловство сплошное и несерьёзное.... Верно?

– И-а! И-а! – покладисто согласился ослик.

– Вот, и я толкую про то же. Ладно, пошли к дому. Неплохо было бы поспеть к обеду...

Странная парочка двинулась дальше.

Выждав несколько минут, Тиль поинтересовался:

– Ты, Макаров, какими языками владеешь?

– Русским и английским. Частично немецким. Знаю несколько французских и испанских слов.

– Мой лингвистический багаж аналогичен твоему. А, вот, этот деятель с ослом.... Что скажешь?

– Пел он на одном языке. На каком? Не знаю. С животным же разговаривал совсем на другом.... Тем не менее, я всё понял.

– Я тоже – понял. Всё. То бишь, каждое слово. Каждую интонацию. Хотя ни русским, ни английским, ни немецким, ни французским, ни испанским языками здесь и не пахло. Более того, обратись этот зачуханный мужичок ко мне с лю-

бым вопросом – я бы непременно ему ответил... Как такое может быть, а?

– Наверное, во всём виноват сиреневый туман, пришедший с безбрежных просторов Северного моря, – предположил Лёнька. – Во-первых, «перенёс» нас в...э-э-э, в неизвестное место. Во-вторых, ненароком превратил в самых натуральных полиглотов.

– Думаешь?

Ответить Макаров не успел.

– Помогите! – долетел откуда-то испуганный женский голос. – Пшёл вон, сволочь грязная! Гад приставучий и позорный! Помогите, ради Бога!

– Кажется, кричат в той стороне, – махнул рукой Тиль. – За мной!

Глава шестая

Средневековый Тромсё и клоуны

Пошли, побежали.

Вернее, преодолевая сопротивление зыбучего прибрежного песка, попытались это сделать. В том плане, что побежать.

– Хры, мать его, хры. Дыханье сбивается...

Потом дело пошло веселей – по другую сторону от дороги почва оказалась более плотной и твёрдой.

Каменистая пустошь, узкая осиново-ракетная полоска, молоденький густой ельник, заполненный понизу пышными белыми мхами, чёрный провал под ногами...

– Стой! – скомандовал Лёнька. – Свалимся – костей не соберём... Мать его!

По склону сопки змеилась бездонная пропасть шириной метров в пятнадцать-двадцать. На противоположной стороне пропасти росла высокая берёза, посередине ствола которой расположилась, крепко обняв ствол дерева руками и ногами, человеческая фигурка – женская, судя по характерным очертаниям и длинным ярко-рыжим волосам. А под берёзой, утробно и плотядно рыча, стоял-топтался на задних лапах огромный тёмно-бурый медведь.

– Сука! Тварь! – отчаянно кричала женщина. – Морда!

Урод косолапый! Гнида блохастая!

На каком языке вопила рыжеволосая барышня?

«Хрен его знает», – подумал Макаров. – «В том плане, что на абсолютно понятном...».

Косолапый, обхватив передними лапами ствол берёзы, принялся раскачивать дерево в разные стороны.

– Помогите! – разнёсся по округе испуганный женский призыв. – Голова кружится.... Помогите!

Даниленко, сбросив на ходу наплечную сумку и красную буровую куртку, подбежал к краю пропасти и завопил, отчаянно стуча кулаками по груди:

– Стоять! Гнида! Урою! А-а-а-а!

– И на каком языке нынче выражается Серёга? Чёрт, и не разобрать. Коварная штука – быть полиглотом..., – пробормотал Лёнька, после чего подобрал с земли подходящий по размерам гранитный булыжник и, наскоро прицелившись, метнул.

Попал, ясная норвежская зорька. Дело-то нехитрое. Прямо в жирную тёмно-бурую холку. Раз – попал, два – попал, три – попал...

– Рр-ыы!?! – непонимающе обернулся медведь.

«Мол, какого хрена?», – мысленно перевёл Макаров, после чего метнул очередной камень.

Попал, понятное дело, как и учили – в своё время. Прямо в правый янтарный глаз.

– У-у-у! – обиженно заблажил мишка. – А-а-а!

– Вот, а я о чём? – продолжал лицедействовать на самом краю пропасти Тиль. – Пшёл вон, скотина косолапая! Я – Кинг-Конг! Или этот... Как там его? Тарзан, мать его, в джунгли заглянувшую. Тарзан! На части порву, сожру и не поморщусь! А-а-а-а!!!

Медведь, получив по лбу очередным булыжником, рывкнул напоследок, развернулся и бодро – со всех лап – затрусил вниз по склону.

– Ага, испугался, уродина короткохвостая? – бестолково прыгая вдоль края пропасти, обрадовался Даниленко. – Догоню – урою на хрен! Ату его! Ату...

Рыжеволосая девушка – грациозно до безумия – спустилась с берёзы и, присев в некоем подобии книксена, поблагодарила:

– Спасибо, великодушные странники. Помогли, выручили, спасли, спору нет... Засим – прощаюсь. Извините. Дела. Увидимся, клоуны... Белобрысый!

– Ик... Я здесь! – некстати засмутился Даниленко. – Всегда, мадам, к вашим услугам.

– Сам мадам, твою мать. Увидимся, короче. Подходи, второй дом за церковью. Если, понятное дело, не слабо.

– Кому это, блин, слабо?

– Сам – блин! Вернее, у твоего упитанного приятеля, умеющего так метко камушки бросать, физиономия блин напоминает. Увидимся...

Девушка – высокая, стройная, фигуристая – гордо удали-

лась.

– Знатная краля, – мечтательно вздохнул Тиль. – Чем-то на мою Светку похожая. Только медно-рыжая. Хотя, цвет волос – применительно к женскому полу – понятие относительное. Никогда точно не знаешь – кто перед тобой. Мол, блондинка, брюнетка или же шатенка? До тех пор, естественно, пока конкретного интимного места не видел.... Вот, Светлана, к примеру, кто?

– Брюнетка.

– Не угадал, братец. У моей драгоценной жёнушки природный цвет волос светло-русый. Для чёго, спрашиваешь, она регулярно красится в угольно-чёрный? Дурь обыкновенная. Считает, чудачка законченная, что русый – плебейский цвет. А чёрный, наоборот, благородный.... Надо будет и с этой рыженькой разобраться. Или же, хотя бы, попробовать. Когда пылает кровь, как щедр язык на клятвы. Как часто нас спасала слепота¹⁵...

– Одета твоя тутошняя симпатия достаточно странно-вато, – глубокомысленно нахмурился Леонид. – Какая-то длинная светло-серая рубаха, расшитая бурыми ромбическими узорами. меховая безрукавка. На ногах – дурацкие войлочные боты с уродливыми прямоугольными носами, из серии: – «Прощай, молодость...». Ещё этот мужик с ослом, рассуждавший о жестокосердном короле Филиппе и герцо-

¹⁵ – Цитата из трагедии Вильяма Шекспира – «Гамлет».

ге Альбе¹⁶.... Имелся в виду испанский король Филипп Второй¹⁷?

– Стоп, стоп! – насторожился Даниленко. – О каком историческом периоде, собственно, идёт речь?

– Седьмое десятилетие шестнадцатого века.

– Ты хочешь сказать, что мы – совершенно непонятным образом – «перенеслись» в Прошлое?

– Это всего лишь версия, – легкомысленно хмыкнул Лёнька. – А, что здесь такого невероятного и удивительного? Про аналогичные фортеля пишут в каждом втором современном фантастическом романе. Сегодня, понимаешь, научно-популярная фантастика. А завтра – скучная бытовая реальность. Бывает...

– Самый разгар шестнадцатого века, говоришь? Ну-ну.... Посмотри-ка правее берёзы. Что теперь скажешь?

– Массивный каменный идол с одним глазом. Грубая работа.

– Почему это – грубая? – неожиданно обиделся Тиль. – Нормально, на мой вкус, сработано. В лопаухих каменных ушах даже массивные серьги висят, щедро усыпанные сверкающими камушками, а на запястьях длиннющих рук име-

¹⁶ – Герцог Альба – Фернандо Альварес де Толедо, Третий герцог Альба – знаменитый испанский государственный деятель и военачальник шестнадцатого века.

¹⁷ – Филипп Второй – жил в шестнадцатом веке, происходит из династии Габсбургов, сын и наследник императора Священной Римской империи Карла Пятого, король Испании, Нидерландов и всех заморских владений Испании.

ются серебрястые браслеты. ... Интересно, а как зовут этого приметного каменного дяденьку?

– Скорее всего – «Один», раз одноглазый. Самый главный и суровый скандинавский Бог. ... Кстати, у ног истукана валяется – головой в луже свежей крови – мёртвая пёстрая курица. Можно предположить, что давешняя рыжеволосая девица совершала обряд жертвоприношения, вот, оголодавший медведь и заявился – на запах крови.

– Обряд жертвоприношения в шестнадцатом веке? По идее, сейчас католицизм должен безраздельно властвовать вокруг. Не вяжется как-то.

– Очень даже вяжется, – заверил Макаров. – Язычество – штука наисильнейшая. Оно медленно отступает, упорно и настойчиво цепляясь за каждый оборонительный рубеж. ... Может, дальше двинемся?

– Двинемся, не вопрос. ... Сосиски у тебя?

– Ага.

– Доставай по одной. Слегка перекусим на ходу...

Они вернулись на дорогу и зашагали прежним маршрутом. То есть, на юго-запад.

Солнышко постепенно раскочегарилось, вокруг заметно потеплело. В густом кустарнике беззаботно перекликались мелкие пичуги. Рыжие упитанные белки, ловко перепрыгивая с одного дерева на другое, увлечённо гонялись друг за другом.

– Странно, что грибов нигде не видно, – проворчал Лёнька. – Середина июля месяца – применительно для лесотундры – начало полноценного грибного сезона. Маслята, по крайней мере, уже должны переть во всю Ивановскую.... А, что у нас с голубикой? Она, такое впечатление, ещё даже и не цвела. Ерунда ерундовая, мать её...

Дорога, отвернув от морского побережья, резко пошла вверх.

– Жарко и потно, – жаловался Даниленко. – Ты, Лёньчик, как хочешь, а я, пожалуй, куртку сниму. И от штанов было бы неплохо избавиться. Но, к сожалению, нельзя.

– Почему это – нельзя?

– Вдруг, очередная местная красотка попадётся нам навстречу? А мои чёрные семейные трусы, увы, не являются верхом эстетического совершенства...

Дорога вывела путников на вершину сопки.

– И как прикажешь это понимать? – не наигранно изумился Тиль. – Что это такое, а?

Внизу располагался некий населённый пункт – несколько сотен непритязательных деревянных и каменных домов, беспорядочно разбросанных вдоль берега узкого морского залива.

– Перед нами, надо думать, норвежский город Тромсё, – после короткой паузы известил Леонид. – Вернее, средневековый Тромсё. Хотя...

– Наблюдаются очередные нестыковки?

– Это точно. Видишь ли, всезнающий и мудрый Интернет утверждает, что первая католическая церковь в Тромсё была построена ещё в 1252-ом году. А в начале шестнадцатого века церквей здесь было уже несколько. По крайней мере, больше пяти. А, что мы с тобой наблюдаем?

– Одну единственную церквушку.

– То-то и оно. Ярко-выраженная нестыковка, блин горелый...

– Ладно, будем тянуть жребий, – решил Даниленко. – Пора прояснить ситуацию окончательно.

– Зачем – жребий? По поводу чего?

– Один из нас спустится в городишко. Видишь, народ толпится на прямоугольной площади? Не иначе, праздник какой-то. Или же просто базарный день... А второй останется здесь. Зачем рисковать обоим? Вдруг, местные жители относятся к незванным пришельцам безо всякого почтения? То бишь, тут же, особо не рассусоливая, бросают в темницу? Вот, в этом пиковом раскладе второй и поможет первому. Вернее, попытается освободить из узилища...

Длинную палочку, как и всегда, вытащил Тиль. Вытащил и, коротко помахав рукой на прощанье, ушёл по дороге вниз – к неизвестному населённому пункту.

Лёнька, оставшись в одиночестве, отошёл от дороги в сторону и улёгся под разлапистой сосной – на пышный бело-снежный мох.

Он лежал и бездумно смотрел в голубое бездонное небо.

Почему – бездумно? А о чём, собственно, было думать? Для того, чтобы чётко и правильно осознать всё происходящее с ними, информации катастрофически не хватало. Оставалось одно – запастись терпением и покорно ждать...

Прошёл час, второй, солнышко начало активно смещаться в западную часть небосклона.

– День уверенно и неуклонно приближается к вечеру, – поднимаясь на ноги, проворчал Макаров. – Ну, и куда подевался этот длинноногий обормот? Неужели, действительно, загремел в тутошнюю каталажку? Тьфу-тьфу-тьфу, конечно.... Что там у нас? Толпа на площади меньше не становится. Ажиотаж и всенародная суета планомерно продолжают. Да, дела-делишки...

Он принялся бесцельно бродить по вершине сопки туда-сюда. Бродил и тихонько ругался сквозь сжатые зубы – в адрес безалаберного белобрысого приятеля.

Минут через десять-двенадцать Лёнька принял окончательное решение, резко развернулся и, зло сплюнув под ноги, упруго зашагал по направлению к городку.

Постепенно он приблизился к первым строениям.

«Похоже, что это усадьба какого-либо местного богатея», – принялся мысленно комментировать увиденное Макаров. – «Просторный, тщательно огороженный по периметру скотный двор, по которому задумчиво перемещаются упитанные бычки и пёстрые куры. Голенастый петух – просто красавец. Хвост, как у павлина – рыже-зелёный. Лох-

матая пегая собака, опустив нос к земле, пробежала по делам. Породистая? Да, ну, самая обыкновенная зачуханная дворняжка.... Ага, этот длинный серо-чёрный барак, судя по глухому ржанию, является конюшней. Рядом расположен складской амбар, два сеника, несколько погребов, овчарня, голубятня, кузня.... Вот, и хозяйский дом. Ничего особенного. Фундаментный этаж сложен из разнокалиберных гранитных валунов, а поверх фундамента размещён классический бревенчатый сруб под односкатной крышей, застеленной непонятными «заплатами». Может, это разномастные шкуры? Чьи конкретно? Лошадей? Коров? Всяких морских животных? Сходу не определить.... Окошки маленькие, почти квадратные. Некоторые оконные рамы застеклены. В другие же аккуратно вставлены светло-жёлтые пластины слюды. Интересно.... Впереди улица замощена тёмно-коричневым булыжником. Надо понимать, что именно здесь и начинается цивилизованная городская территория. Ну-ну...».

Навстречу ему шли две молоденькие девчушки-вертихвостки – каждой лет по семнадцать-восемнадцать, светленькие с лёгкой рыжиной, улыбчивые, смешливые. Длинные серые платья, украшенные буро-коричневыми узорами и перехваченные в талиях узкими ярко-алыми поясками. Множество разноцветных бус на стройных шеях, длинных лент в волосах и всяческих браслетов на руках. Вертихвостки, одним словом...

– Привет, Ламме! – весело поздоровалась одна из девиц, та, что повыше.

– Здрасьте, – смущённо пробормотал Лёнька.

– Как дела, толстячок? – скорчив ехидную гримасу, поинтересовалась вторая барышня.

– Спасибо, хорошо.

– Правду говорят, что ты сбежал от сварливой жёнушки? Мол, надоело безропотно сносить ежевечерние побои?

– Э-э-э... М-м-м...

– Похоже, действительно, правда. Ха-ха-ха!

Девушки, обидно хихикая, свернули в ближайший проулок.

– Чёрт знает что, – возмутился в полголоса Макаров. – За кого, интересно, они меня приняли? Ошибочка вышла. Впрочем, относительно Наташки девушки правы на все сто процентов. Сварлива – до полной невозможности... Дома наблюдаются уже по обе стороны от дороги. Дома? Так, скромные домишки и невзрачные хижины. Да и пованивает знатно. Свежим навозом и прочими бытовыми отходами-нечистотами. Изменился благословенный Тромсё. Изменился. Причём, не в лучшую сторону...

Встречных прохожих, по мере приближения к площади, становилось всё больше и больше: мужчины, женщины, старики, старухи, подростки, маленькие дети, одетые – как и полагается одеваться жителям средневекового провинциального городка. На широких мужских поясах, естественно, были

закреплены ножны (кожаные и деревянные), с мечами или кинжалами.

И все они – по неизвестной причине – приветливо здоровались с Леонидом.

– Здравствуй, голландец! – звучало почти через каждую минуту. – Долгих лет жизни, толстяк! Сбежал, всё-таки, от скандальной супруги? Молодец! Так держать.... О, сам Ламме Гудзак посетил наш сонный городишко! Какая честь! Не соврала рыжая Сигне...

– И вам, уважаемые, не хворать, – ничего не понимая, вежливо раскланивался по сторонам Макаров. – Очень рад, признателен и тронут.... Жена? Если объявится здесь, то прошу меня не выдавать. Мол, не было такого. Не появлялся.... Как она выглядит? Сразу узнаете. Моя благоверная супружница никогда не расстанется с пилой.

– Никогда-никогда? – уточняли прохожие.

– Ни на минуту, честное и благородное слово! Даже когда выполняет долг супружеский, то – при этом – пилит и пилит, пилит и пилит....

– Ха-ха-ха! – от души веселились горожане и горожанки. – Ай, да Гудзак! За словом в карман не лезет. Умеет хорошо пошутить. Хотя до Уленшпигеля ему, понятное дело, далеко.

С каждым пройденным шагом становилось всё шумнее – сплошной задорный смех, восторженные весёлые возгласы и отчаянный женский визг.

– Что там происходит? – прошептал под нос Лёнька. –

Бродячий цирк заглянул на гостеприимный огонёк?

Он завернул за угол приземистого каменного дома и уважительно присвистнул – открывшаяся взору картинка впечатляла.

Площадь была плотно заставлена высокими стеллажами и деревянными столами с различными товарами: мясные и рыбные продукты, яйца, кувшины-крынки с молоком и сметаной, одежда, обувь, оружие, капканы на зверей, искусно выделанные шкуры, керамическая посуда, серебряные и бронзовые украшения. И народу присутствовало прилично, наверное, человек триста-четыреста.

По центру площади, метрах в тридцати пяти друг от друга, в землю были вкопаны два высоких и толстых столба, украшенные вычурной резьбой. Между столбами был натянут толстый пеньковый канат, по которому – с длинным шестом в руках – преспокойно разгуливал Даниленко, научившийся этому экзотическому искусству в питерской школе-студии театральной пантомимы.

– Так голодный и шустрый козлик бежит к сараю, учуяв зёрна овса в хозяйских яслях, – громко объявил Серёга. – Прыг-скок! Прыг-скок! А теперь перед вами – молоденький монах, торопящийся на жаркое свиданье с городской блудницей. Но у дверей кельи чутко дремлет суровый отец-настоятель. Надо идти очень осторожно, чтобы ни единая дощечка пола не скрипнула. Осторожнее, осторожнее.... Ага, настоятель заливисто захрапел. Вперёд! И только ветер сви-

стит в ушах...

– Молодец! Ещё давай! – надрывались зеваки. – О-го-го!

Вскоре Тиль – под восторженные аплодисменты зрителей – ловко спустился по столбу на землю и незамедлительно завопил:

– О, добрый и верный Ламме пожаловал! Угостите моего закадычного друга пивом!

– Пускай сначала заработает, – предложил звонкий женский голосок, и из-за телеги, нагружённой высокой копной сена, появилась рыжеволосая красотка, на которую несколько часов назад напал медведь.

– Сигне правильно говорит! – дружно одобрили зеваки. – Пусть заработает. Верно! Что он умеет делать?

– Продемонстрируй-ка, дружище, этим любопытным ротозеям свои необыкновенные способности и недюжинные таланты, – весело хмыкнул Даниленко. – Чтобы мало не показалось.

– А, чего делать-то? – сбрасывая куртку, спросил Леонид. – Типа – конкретно?

– Ну, какую-нибудь железяку завяжи вычурным морским узлом. Или, например, вон тот столб выдери из земли.

– Зачем – столб? – возмутилась Сигне. – Он уже лет тридцать, как стоит на этом месте. Его мой папаша покойный ещё вкапывал... Тут надо что-нибудь полезное совершить. Или же полностью бесполезное, но симпатичное и безвредное.

– Что это за штуковины? – Лёнька ткнул указательным

пальцем в чёрные солидные шары, выложенные аккуратной горкой возле столба.

– Пушечные ядра. Остались с прошлого визита английской эскадры. Для красоты тут лежат.

Макаров нагнулся над ядрами и навскидку определил: – «Килограмм по тридцать пять каждое. Нормальный вариант...».

Он подхватил один чугунный (бронзовый?), шар, второй, третий. И, примерившись, принялся ими жонглировать, ловко перебрасывая с одной руки на другую.

– А-а-а! Молодец! – взвыла от восторга почтеннейшая публика. – Ещё давай, толстяк! Молодец, голландец!

Минут через пять Лёнька прекратил «железные игры» и – под искренние овации – раскланялся.

– Дорогу, бездельники! – рявкнул грозный бас, и через толпу почитателей протиснулся широкоплечий чернобородый малый с объёмной керамической баклагой на правом плече. – Дайте пройти! Несу заслуженное пиво...

– А, где же кружка? – развеселилась Сигне. – Нехорошо это – заставлять дорогого гостя пить прямо из кувшина.

– Нормально, – заверил Макаров. – Мы, голландцы, конечно, люди гордые. Но сугубо в меру, – а про себя добавил: – «Тем более что и сосуд не так, уж, и велик. Литров на шесть-семь, наверное. Не больше...».

Он обхватил ладонями предложенную баклагу, поднёс её

край к губам и принялся жадно пить.

Пил и пил. Пил и пил. Пока всё не выпил. Практически до последней капли...

– Силён, бродяга! – одобрил чернобородый. – Я так не умею. Не влезет столько за один присест. Меня, кстати, зовут – «Тюр». Рад нашему знакомству.... Так что, уважаемые земляки, напрасно вы сомневались. Мол: – «Настоящие ли это Уленшпигель и Гудзак? Не самозванцы ли?». Настоящие! Великим Одним клянусь!

Глава седьмая

О параллельности и о многом другом

«Предложенное пойло, по большому счёту, пивом не является», – решил про себя Лёнька. – «Так, обыкновенная деревенская бражка с лёгким медовым привкусом. Но, тем не менее, духовитая и вкусная...».

Вслух же, естественно, он отозвался о вкусовых качествах выпитого напитка очень уважительно, мол, классное пиво.

– Брось, приятель, – понимающе улыбнулся новый знакомый. – Разве можно на лесных травах и сухом горохе сварить пиво? Так, бражка обычная. Не более того.

– Ждёте, когда голландские купцы привезут сортовой хмель?

– Ждём, конечно. Жаль, что торговый корабль, на котором вы плыли с Уленшпигелем, утонул. Жаль.

«Эге, похоже, что Серёга здесь уже вволю порезвился», – смекнул Макаров. – «То бишь, от души понавешал на доверчивые норвежские уши длинной питерской лапши. Мол, плыли на голландском купеческом кораблике, только он – к несчастью – попал в сильнейший шторм и потонул в бурном Северном море. Еле спаслись, понятное дело... Ого, голова слегка закружилась. Видимо, бражка действует. Как-никак,

литров шесть выпито. Может, и все семь...».

– Пошли к нашему столу, – предложил Тюр. – Поболтаем. Перекусим. Ещё выпьем.

– Пошли. Не вопрос...

В дальнем углу площади было оборудовано некое подобие уличного европейского кафе – несколько столиков, выстроенных в два полукруглых ряда, керамические кувшины и кружки, оловянные чарки и стаканчики, блюда и тарелки, заполненные нехитрой снедью, грубо-сколоченные массивные табуретки.

За их длинным узким столом пиоровало порядка двух десятков мужчин и женщин, но Лёнька запомнил только Тиля, Сигне, да чернобородого Тюра. Лица остальных собеседников и собеседниц были скрыты в призрачной хмельной дымке...

О чём шла застольная беседа? Так, совершенно ничего особенного. Серёга усердно перешептывался-перемигивался с Сигне, да время от времени травил анекдоты, причём – на этот раз – в меру «солёные». Видимо, задумал произвести на рыжеволосую девицу самое благоприятное и положительное впечатление. Макаров же развлекал Тюра, а также других сотрапезников разнообразными рыбацкими историями и байками, которых знал бессчётное множество.

Еда? Копчёная оленина, варёная говядина, жареные куропатки, морская и речная рыба во всех видах, ржаные плетёные лепёшки, почему-то слегка пахнущие сосновой корой.

Напитки? Бражка, сивушная самогонка и нечто похожее на ягодный кисель-компот с медовым привкусом.

Славно посидели, короче говоря. С чувством, толком и расстановкой. Правда, наметились коварные и неприятные провалы в памяти. Из знаменитой серии: – «Ощущаю объективную реальность. Теперь не ощущаю. Вновь ощущаю, но слабенько так, сквозь пьяненькую дымку...».

Закат уже печально догорал, народ начал активно расходиться по домам. В лёгких фиолетовых сумерках приветливо затеплились-замерцали первые факелы и масляные фонари.

На плечо легла тяжёлая рука, и голос Даниленко велел:

– Всё, дружок запьянцовский, заканчивай трепаться. Дай болтливому языку немного передохнуть. Двигаемся на ночьлег.

– К-куда это? – слегка заикаясь, поинтересовался Лёнька. – И где, так его и растак, наши буровые к-куртки?

– Продал, конечно же. Причём, вместе с красными революционными штанами. Э-э, только не надо снимать их прямо сейчас. Завтра отдадим, не горит.... Ты, брат, как? Идти можешь?

– Обижаешь, р-родной. Я ещё и сплясать запросто с-смогу. Б-барыню, например. Или там г-гопака вприсядку.... С-сплясать?

– Спасибо, не надо, – отказался Тиль. – Вот, хватай эти два свёртка, раз боеспособен.

– А, что в них?

– Много чего полезного. Одежка, обувка, жрачка, прочее.

Подожди, я тоже нагружусь.... Сигне, ты где?

– Здесь. Уже ждать устала, пока вы, клоуны, соберётесь.

– Готовы. Веди...

Впереди размеренно мелькал ярко-жёлтый огонёк.

– Не отставай, – сердился Серёга. – В городке, говорят, нынче беспокойно. В том плане, что пьяных раздевают на раз. Тюк по башке дубиной норвежской, и все дела.

– Пусть, твари подлые и трусливые, только п-попробуют, – пьяно усмехался Макаров. – Враз познакомлю с удалью рус...

– С голландской удалью?

– Ага, с ней с-самой.

– Не отставай, болтун хмельной. Заика хренов.

– Всё, пришли, – объявил женский голосок. – Белобрысый, возьми-ка у меня факел.

– Слушаюсь, русалка рыжая.

– Что, так и не поверил, что русалки существуют на самом деле?

– Как-то не очень, – очевидно, продолжая застольный спор, признался Даниленко.

– Напрасно. Я их лично видела. Причём, неоднократно. Говорят, что в стародавние времена русалки часто общались с людьми. Советы давали. Иногда даже и замуж выходили за древних викингов...

Громко и противно заскрипел ключ в замочной скважине,

потом певуче взвизгнули дверные петли.

– Отдавай факел, – велела Сигне, после чего предложила:
– Проходите, странники. Будьте как дома.

«Очень знакомые ароматы», – машинально отметил Лёнька – «Пахнет дымком и железной окалиной. Темновато только. Помещение большое и просторное. Одного факела, закреплённого в железной петле рядом с входной дверью, откровенно маловато...».

Словно бы услышав это пожелание, девушка пообещала:
– Подождите, сейчас я зажгу ещё парочку масляных ламп.
Где-то здесь лежало папашино кресало. Ага, нашла.... Крик!
Крик! Крик!

Вскоре вокруг стало гораздо светлей.
– Это же к-кузня? – обрадовался Макаров.
– Она самая. Принадлежала моему отцу, а он умер прошлой зимой. С тех пор простаивает без дела, плохо у нас в Тромсё с кузнецами.... Ты же, Ламме, кузнец? Твой друг Уленшпигель, надеюсь, не соврал?

– Н-не соврал. Кузнец. Честное с-слово.
– Уже хорошо, – улыбнулась Сигне. – Ладно, располагайтесь. Вот, одна спальная скамья с войлочной кошмой. За верстаком – другая. Если станет холодно, то достанете из сундука звериные шкуры. За той дверью, замкнутой на щеколду, находится внутренний дворик с колодцем и отхожим местом. Со всем остальным завтра утром разберётесь, не маленькие.... Всё я пошла. Факел забираю. На крюк вешаю

ключ.

– Подожди, русалка, – забеспокоился Тиль. – А, как же...

– Загляну утром, так и быть. Поболтаем. Дверь не забудьте запереть и масляные лампы погасить, клоуны. Храни вас Один.

Сигне ушла, хлопнула дверь.

– Рассказывай, морда б-белобрысая, – попросил Лёнька. –

Мол, как оно всё п-получилось.

– А, пардон, смысл? – засомневался напарник. – Раз ты заикаешься, значит, пьян в стельку. То есть, к утру две трети позабудешь. Логично?

– Н-наверное...

– Ложись-ка, братан, на эти широкие нары, которые по-местному называются – «спальной скамьёй». Давай-давай, не упрямясь. Утро, как известно, вечера мудренее.... Вот, молодец. Спокойной ночи.

– Да, хранит нас всех могучий Один, – уже засыпая, откликнулся Макаров...

Он проснулся от массового дискомфорта. Во-первых, зверски чесалось и тут, и там. Во-вторых, похмельно трещала голова. В-третьих, ужасно хотелось в туалет.

– О, Боги мои добрые! – Лёнька дёрнулся, сел на жёсткой поверхности и спустил ноги вниз. – Где это я?

Сквозь мутные стёкла двух узких окошек-бойниц пробивались скупые солнечные лучи. Длинные верстаки, зава-

ленные разнообразным инструментом. Высокие двустворчатые шкафы тёмного дерева. Громоздкие сундуки, оббитые широкими металлическими полосами. Всяческие железяки, небрежно прислонённые к закопчённым бревенчатым стенам. Допотопный кузнечный горн в правом дальнем углу. Громкий залиvistый храп, доносившийся из-за ближайшего верстака. Специфические, не очень-то и приятные запахи.

– Чем пахнет? – проворчал Макаров. – Хреню всякой. В том числе, и «палёным» коньяком.... Ага, так и есть, упитанный клоп вальяжно ползёт по кисти левой руки. Укусил. Больно. Получи, гнида! Не нравится? Сдох? Итак.... Значит, мне всё это не приснилось? Сиреневый туман, неожиданный шторм, каменистый берег, стойбище саамов, древняя ладья викингов, разгульная ярмарка на площади средневекового норвежского городка? Ай-яй-яй. Блин горелый. Занесла, нелёгкая, мать его.... Храп прекратился. Ну-ну.... Так, а где здесь туалет? Что-то вспоминается. Кажется, местная рыжеволосая фефёла говорила, мол, отхожее место надо искать во внутреннем дворике...

– Не называй Сигне – «фефёлой», – попросил хриплый голос. – Она вполне приличная девица.... Любовники пройдут по паутинке, что в легком летнем воздухе летает. И не сорвутся¹⁸...

– Уверен, что девица? – поднимаясь на ноги, съязвил Леонид. – Проверил бы сперва, прежде чем нахваливать.... О,

¹⁸ – Цитата из трагедии Вильяма Шекспира – «Ромео и Джульетта».

чёрт! Это получается, что я вчера завалился спать, даже не сняв резиновых сапог? Свинство натуральное.

– Конечно, свинство, – невозмутимо подтвердил Тиль. – Только прибыл на новое место дислокации, как тут же и нажрался. Причём, практически до поросячьего визга. Шесть-семь литров браги засосал залпом, плюсом к ним самогоночка. Раз – стаканчик оловянный, два – стаканчик.... Таковую свинячью чушь нёс, что у меня уши – сами собой – сворачивались в тугие трубочки.

– А, что конкретно?

– Например, обучал средневековых норвежцев – на полном серьёзе – искусству ловли озёрной щуки на спиннинг. Подробно рассказывал о видах и подвидах блёсен. Мол, на какую рыбу какие блёсенки годятся. Ещё благородно поведал о всяких хитростях, применяемых при изготовлении мормышек. Ну, и так далее...

– Бывает, – засмутился Лёнька. – Ладно, потом договорим.

Он, подхватив по дороге пустое деревянное ведро, прошёл к дальней стене, поднял вверх бронзовую щеколду, распахнул массивную низенькую дверь и вышел во внутренний дворик.

– Тепло сегодня, – одобрил Макаров. – Небо ясное, солнышко старательно наяривает.... Классический колодец-журавль. Рядом в землю вкопан толстый деревянный столб, к которому прибито некое подобие умывальника. Метрах в

пятнадцати от колодца расположена хлипкая деревянная будочка, типа – «российский дачный сортир». Понятное дело.

Справив нужду, он зачерпнул из колодца – медной объёмной бадьёй, привязанной к «журавлю» – воды и вылил её в деревянное ведро. Зачерпнул ещё раз, наполнил умывальник, умылся, наспех вытерся собственным свитером и вернулся в избу-кузню.

– Кушать подано! Прошу к столу, достославный Ламме Гудзак! – насмешливо предложил Даниленко, восседавший на приземистом табурете, приставленном к одному из верстаков. – Что так неодобрительно смотришь, чистюля хренов? Да, был я уже, пока ты дрых без задних ног, во внутреннем дворике. И умывался, и вообще... Присаживайся, бродяга. Опохмелимся слегка.

Стульев и свободных табуретов поблизости не наблюдалось, поэтому Лёнька уселся на толстенный сосновый чурбак, поставленный на попа.

Уселся и, обхватив ладонью оловянную чарку, наполненную до краёв, поинтересовался:

– Что сегодня предлагается в качестве утреннего кофе?

– Всё та же деревенская бражка, – ухмыльнулся приятель. – Правда, слегка разбавленная здешним самогоном. Утренний норвежский вариант, как мне вчера любезно объяснил продавец... Ну, выпьем?

– За что?

– Давай, за ясные и адекватные мозги? Ну, чтобы их сире-

невый туман полностью покинул? Согласен? Вздрогнули.... Ох, и зла, зараза! До самых печёнок продирает.... Закусывай, Лёньчик, закусывай. Лосятина, филей молодого северного оленя, селёdochка в брусничном маринаде. Пицца молодых и рьяных Богов, короче говоря.... Откуда выпивка и разносолы? Купил, ясная земляничная полянка. Наши с тобой буровые комплекты продал, а на вырученные денежки накопил всякого – выпивки, продовольствия, местной одежды-обуви, даже пару приличных кинжалов в ножнах. С десяток монет ещё осталось. Да и за вчерашние цирковые подвиги нам кое-чего заплатили. Какие монеты? Тут в ходу, почитай, валюта со всего Мира. И гульдены, и флорины, и кроны, и ефимки. Не считая, естественно, всякой мелочи...

«Что это Серёга так несолидно частит и суетится?», – насторожился Макаров. – «Словно, некую вину ощущает за собой? Неспроста это, блин горелый.... Посмотрим. Если начнёт форсировать с принятием алкоголя, значит – век свободы не видать – терзается угрызеньями совести. Многократно проверено на практике...».

– Ещё по одной? – последовало ожидаемое предложение.

– Нет. Повременим, – многозначительно нахмурился Лёнька. – Что тебе вчера удалось узнать? Рассказывай! Какой сейчас год на дворе?

– Такой же, какой и был, – чуть заметно вильнул взглядом Тиль. – То есть, 2003-ий. Просто мы с тобой «перенеслись» в один из Параллельных Миров. По крайней мере, я так счи-

таю... Только у них сейчас не середина июля, а самое начало лета. То бишь – по-нашему – вторая декада мая месяца...

– Какие ещё – в норвежскую медвежью задницу – Параллельные Миры? Совсем, морда белобрысая, офигел в атаке? Пал Палыча, уфолога¹⁹ сумасшедшего наслушался?

– Палыч совершенно нормальный и адекватный человек. Более того, он не уфолог, а очень серьёзный и продвинутый учёный, изучающий Параллельные Миры, которые – в свою очередь – являются побочными продуктами псевдонаучной деятельности наших далёких потомков.... Не хмыкай. Рассказываю более подробно. Ты, брат, слышал о «летающих тарелках»? Что думаешь по этому поводу?

– То и думаю, – нервно поморщился Макаров. – НЛО, конечно же, существуют. То есть, космические корабли внеземных высокоразвитых цивилизаций, прилетающие к нам на Землю по какой-то неведомой, но, безусловно, важной необходимости. Бывает...

– Никакие это и не космические корабли, – состроив бесконечно-важную физиономию, объявил Тиль. – Да и не НЛО, а, наоборот, АПВ. То есть, Аппараты Перемещений во Времени.

– Летающие Машины Времени?

– Зачем же всё так упрощать? Машина Времени – это це-

¹⁹ – Уфология – изучение обстоятельств появления НЛО (неопознанных летающих объектов) и явлений, сопровождающих эти появления. В более широком смысле – изучение всех необычных явлений и объектов.

льный комплекс сложнейшего оборудования. Естественно, что существует – где-то в ужасно-далёком Будущем – ЦУПВ. То бишь, Центр Управления Перемещениями во Времени. Иначе говоря, нечто условно и грубо напоминающее нынешние ЦУПы (Центры Управления Полётами космического назначения). А дискообразные серебристые предметы, которые мы привыкли называть «летающими тарелками», это они и есть – АПВ. То есть, пилотируемые аппараты (прямой аналог американских «Шатлов»), перемещающие любопытных исследователей и учёных в иные Времена...

– И, как же связаны серебристые «летающие тарелки» с призрачными Параллельными Мирами?

– Элементарно, уважаемый Ламме. В АПВ сидят конкретные люди из Будущего. В основном, это серьёзные и ответственные учёные. Но иногда попадаются и откровенные авантюристы, способные на самые невероятные и отвязанные поступки, приводящие к знаковым последствиям.

– То есть, упомянутые тобой авантюристы из Будущего (если встать на их позицию), активно вмешиваются в Прошлое? – уточнил Лёнька.

– Всё понимаешь правильно. Только современные серьёзные учёные (в частности, Пал Палыч), считают, что любое значимое вмешательство – в Прошлое каждого конкретного Мира – не оказывает никакого реального воздействия на Настоящее и Будущее этого же Мира. Просто в данном случае рождается-образуется Мир новый, параллельный, разви-

вающийся самостоятельно, по собственным законам.... Так, скорее всего, и образовался Мир, в котором мы сейчас с тобой находимся. Некий легкомысленный гость из Будущего качественно «нахулиганил». В результате этого «хулиганства-вмешательства» образовался очередной Параллельный Мир, который стал развиваться – по какой-то важной и неизвестной причине – замедленно, отставая от нашего (основного?), Мира примерно на четыреста сорок лет. Естественно, имеются и другие отличия. Например, более тёплый климат, иной путь развития отдельных регионов и тому подобное...

– Получается, что можно перемещаться из одного Мира в другой?

– Как видишь, можно, – важно, с чувством собственного превосходства, ответил Даниленко. – Время от времени проявляются-возникают «окна перехода». В нашем с тобой конкретном случае – сиреневый туман.... Предлагаю выпить за успешное «перемещение»! Ты, братец, как?

– Наливай.

– Рад, что оказался здесь? – поставив на стол опустевший оловянный стаканчик, спросил Леонид.

– Ну, не знаю.... Вопросы у тебя. Мол, рад, или же не рад...

– Значит, рад.... То есть, ты заранее знал, что мы «переместимся»?

– Знал? – удивился Даниленко. – О таком – знать – невоз-

можно. Можно только предполагать, надеяться, верить.... Понимаешь, Палыч утверждает (то есть, в нашем случае, утверждал), что «взял под контроль» несколько Параллельных Миров. В том числе, и этот, про который ещё десять месяцев назад сказал, мол: – «В июле 2003-го года откроется – на две-три недели – «портал», ведущий в Параллельный Мир, отстающий от нашего примерно на пятьсот лет. Где откроется? По Северному морю – вдоль северо-восточного побережья Норвегии – будет «разгуливать» полоса сиреневого тумана. Это оно и есть, заветное «окно перехода»...». Вот, я и решил – попытать счастья. Как минимум – денег заработать. Как максимум – «переместиться». То есть, «стать» Уленшпигелем...

– Серёж, а ты – часом – с ума не сошёл? – вкрадчиво поинтересовался Лёнька.

– Нет, скорее всего. Наоборот, всё было тщательно продумано. Вот, послушай.... Родители мои давно умерли, родственников и детей не имею. Светлана? Да, ну. Сплошная чопорность и ходячее тщеславие. Ушла трепетная любовь, и помидоры напрочь завяли, образно выражаясь.... Окружавшая нас «там» действительность? Работы по любимой специальности нет, да и не предвидится. Сплошное и беспроектное воровство вокруг. Во власти одно жульё сидит, в ус не дует и от души жирует. Все же честные люди, не умеющие и не желающие воровать, еле-еле сводят концы с концами.... А тут, понимаешь, представилась такая шикарная воз-

возможность – начать «новую жизнь». Я же с раннего школьного возраста буквально-таки грезил «эпохой Уленшпигеля», многие сотни книг прочёл об этих славных Временах... Почему же, собственно, не попробовать? Получится – просто замечательно. Не получится? Ладно, перетерпим и забудем. Не вопрос. Скорбь – свойство есть природное людей, но разум наш смеется лишь над ней²⁰...

– Извини, друг, конечно. Но, как же – я?

– Сам ничего, честно говоря, не понимаю, – расстроено шмыгнул носом Тиль. – Произошла незапланированная и странная ерунда. Палыч же мне чётко излагал: – «Сиреневый туман – субстанция непростая. Не то, чтобы живая и разумная, но типа того – «переносит» только тех, кто этого хочет. Только тех, кому в новом Мире будет гораздо комфортней...». Ведь, высоченная сиреневая стена тумана «прошла» и через буровую норвежскую платформу? Прошла. И, что же? И сама платформа, и ребята, находившиеся на ней, остались в прежнем Мире.... Подожди-подожди! Ты же, Лёньчик, тоже являешься круглым сиротой? И никаких других родственников не имеется? И детишек у вас с Наташкой нет?

– И любовь давно прошла, – глядя в сторону, дополнил Макаров. – И лицемерные российские реалии надоели хуже горькой редьки. И мысли всякие иногда – по серьёзной пьянке – посещали. Мол: – «Зачем мне всё это? Уехать бы куда-нибудь. Куда? Чем дальше, тем лучше...». Получается,

²⁰ – Цитата из трагедии Вильяма Шекспира – «Ромео и Джульетта».

что так и случилось. То бишь, уехал – дальше не бывает.... Ладно, надо будет потом, никуда не торопясь, всё это хорошенько обмозговать. А прямо сейчас мы с тобой займёмся генеральной уборкой.

– Не понял...

– Тебе, белобрысый путешественник по Параллельным Мирам, нравится жить в загаженном клоповнике, где окна и пол не мылись годами? Отвечай, давай. Чего, блин, мнёшься?

– Не, не нравится, – отрицательно помотал головой Серёга. – Чего будем делать? Командуй, чистюля.

– Принеси от колодца ещё пару вёдер воды. А я прямо в кузнечном горне (благо, там имеется дельная вытяжка), разожгу огонь. Вон в том медном чане нагреем воды. Пока вода греется, ты здесь тщательно подметёшь – веник и совок стоят рядом с входной дверью. Я же – тем временем – «раздраконю» наши спальные места. Во-первых, отыщу и соскребу в какую-нибудь ёмкость, заполненную водой, клоповьи гнёзда. Во-вторых, старательно обыщу тутошние сундуки и постараюсь найти чистую холстину – обязательно надо сменить «простынки», застилающие войлочные кошмы, лежащие на нарах. Да и обыкновенная ветошь будет востребована. Оконные стёкла требуется протереть хорошенько. Ну, и так далее...

Когда, примерно через полтора часа, в кузню заглянула

Сигне, процесс капитальной уборки помещения был в самом разгаре: Лёнька и Тиль – в две тряпки – старательно отмывали пол (местами деревянный, местами каменный).

– Ничего себе! – удивилась девушка. – Я задремала и вижу невероятный сказочный сон? Наши норвежские мужчины скорее утонут в грязи, чем снизойдут до тряпки и веника.

– Говорят, что из нас, природных голландцев, получаются идеальные мужья, – не отрываясь от работы, сообщил Макаров, после чего мстительно усмехнулся: – А наш Тиль, вообще, золото золочёное. Он и разные экзотические разносолы умеет готовить – пальчики оближешь. Кстати, господин Уленшпигель – на настоящий момент – бесповоротно и однозначно холост...

Глава восьмая

Попутный ветер

Наступили странные дни.

Наступили? Хорошо, просто пришли, замерцали, потекли, далее – строго по списку.

Короче говоря, навалились-приползли сплошные тягостные раздумья и заумные размышления. Естественно, с ярко-выраженным философским подтекстом...

Тиль – с самого раннего утра, даже толком не позавтракав – куда-то уходил. Шлялся по округе, разговаривал с местными жителями, вмешивался во всё подряд, травил бесконечные анекдоты, демонстрировал – за деньги, понятное дело – высокое искусство пантомимы, крутил жаркие шашни с рыженькой Сигне.... Короче говоря, полнокровно и обстоятельно вживался в местную действительность. И это, судя по всему, было ему не в тягость. С нескрываемым удовольствием, морда белобрысая, вживался...

У Макарова всё было гораздо скромней, проще и обыденней.

Слухи о новом кузнеце (заметьте, об искусном голландском кузнеце!), широко расползлись по ближайшей округе. Как результат – бесконечный и неиссякаемый поток срочных заказов. Подковы индивидуальнойковки, разнообраз-

ные оси, ремонт каретных и повозочных колёс, прочая бытовая хренотень – с железным подтекстом.

– Ни фига себе, крючки заказали, – ловко орудуя «малым» кузнечным молотом, бормотал под нос Лёнька. – Номер, наверное, сорок пятый. Кого, блин, ловить собрались? Синего кита, Белую акулу? Молчат, засранцы скрытные. Но деньги платят бешеные: один крючок – стоимость двух взрослых северных оленей. Или же – полугодовалого бычка. Бизнесом конкретным запахло. Скоро, Бог даст, озолотимся – на хрен...

Поговорить о жизни удавалось только поздними вечерами – под местную забористую бражку, в тусклом свете норвежских масляных ламп.

– Нравится мне Тромсё. И жители его, и северные природные красоты, и, вообще..., – вдохновенно вещал – в один из таких вечеров – изрядно подвыпивший Тиль. – Сложности, понятное дело, тоже имеют место быть. Шведы и датчане регулярно и настойчиво донимают. Войны всякие – глупые насквозь.... Нынче норвежское государство имеет законного и полновластного короля. В Тромсё находится-заседает его полномочный представитель по имени – «Хальвдан». Обыкновенный средневековый конунг, если смотреть правде в глаза. Правит – естественно, по полной программе – Вестфольдом, Рингерике, Ромерике, Хедемаркеном и некоторыми другими тутошними землями. Бывает, как ты говоришь.... И всё хорошо, пока урожаи вызревают достойные,

пока рыбаки возвращаются с полновесными уловами, пока глупые саамы готовы – практически за бесценок – продавать упитанных оленей. . . . А случись – плохой год? Всякие ураганы, ледяные ветра, высокие снега, проливные весенние дожди и злые летние засухи? Ладно – один год. Его завсегда можно пережить и перетерпеть. Один, блин, год. . . . Если же таких годов – неурожайных, бедных на рыбу, поганных, голодных – будет несколько? Причём, подряд? Тут же в народе начинаются сволочные брожения, причём, с самыми серьёзными последствиями. . . .

– А, что у нас с Россией? – с аппетитом обгладывая куриное бедро, заинтересовался Лёнька. – Может, туда рванём?

– В Россию? Стоит ли? – тут же поскучнел Даниленко. – Там, по исторически-математическим расчётам, Иван Грозный нынче властвует. . . . Оно тебе надо? В безжалостные опричники, Лёньчик, решил податься? Извини, но ничего не получится. Почему – не получится? Потому. Душа у тебя, мой упитанный друг, больно, уж, белая и пушистая. Враз расколят. А потом и на кол посадят – и тебя, да и Душу твою рядышком. Типа – в назиданье прочим добросердечным простофилям. Как в том твоём давнем стихотворении. Сейчас зачту.

– Зачти, только истошно орать не надо. Тихонечко так зачти, аккуратно. Договорились?

– Постараюсь. . . .

Вопль!!! Мало ли что – бывает в серьёзном море?
Легенд – без счёта... По местам – стоять!
Кто-то сказал, что море – сплошное горе?
Матку матери его – за это – разорвать...

Море. Холодное и лицемерное немного.
Лицемерное? На эстетику – наплевать.
Мы едем – мочить маленьких беленьких котиков.
Маленьких и нежных – твою мать...

Предлагается – всем спирту – выпить?
Чтобы сподручней было – убивать?
Я, понятное дело, выпью.
А потом – за борт спрыгну.
Извините, мою мать...

Вопль!!! Как же это холодно...
Рука, протянутая над бортом.
Всё это хорошо. И даже – здорово.
Но я не склонен – гоняться за рекордами.
Холодным утром.
Не могу, извиняйте.
Ладонь, внезапно обледеневшая, сминается.
В голове поёт дурацкая – «Здравница»...

Ноги отнимаются...

Будешь, тварь, котиков мочить?

Извини, атаман, не буду.

Твой выбор, брат.

Ноги отнимаются?

Добейте – паскуду...

Холод. Удар. Боль.

Вопль!!!!!!

Какие слова – перед лютой смертью – пробежали в моей глупой голове?

Её звали – Ольга Гущина.

Девочка из Десятого «А».

Ради неё я готов на всё.

Через века и слова...

– Кстати, а кто это такая – «Ольга Гущина»? Мы же с тобой одну школу заканчивали.... Почему я её не помню?

– Просто собирательный образ. Ну, как образ Уленшпигеля, – засмутился Макаров. – Светленькая такая, стройная, тихая, нежная, мечтательная, обязательно – с серыми глазами. Цвета родниковой воды в сосновом столетнем бору.... Так, чего там – с Россией-матушкой?

– Да, не знаю я толком, – вздохнув, признался Тиль. – Отрывочные такие сведенья. Причём, общего порядка. Мол, на юго-востоке раскинулась огромная страна – «Гадарика», бо-

гатая на ценные меха, мёд и светловолосых красивых женщин. В давние времена туда регулярно ходили в набеги и всегда возвращались с богатой добычей. А нынче – не ходят.

– Почему?

– Не знаю. То ли викинги измельчали. То ли русичи, наоборот, возмужали и заматерели...

– Наши планы на обозримое Будущее?

– Во Фландрию, братец, надо перебираться. Как-никак, я нынче являюсь – «Уленшпигелем». Так сказать (согласно нетленному произведению Шарля де Костера), бессмертным духом многострадальной и прекрасной Фландрии... Наши с тобой, дружок мой Ламме, славные похождения даже в толстых книжках подробно описаны. Одну из них я видел собственными глазами в доме конунга Хальвдана. Называется – «Занимательное сочинение о плуте Тиле, родившемся в земле Брауншвейг, о том, как сложилась жизнь его...»²¹. Стрёмная и интересная, надо признать, книженция. Причём, с картинками. Там и я изображён, то есть, Тиль Уленшпигель. И ты, то бишь, Ламме Гудзак.

– И, что? – заинтересовался Лёнька. – Похожи мы на... э-э, на легендарных народных героев?

– Очень даже. Конечно, не один в один, но достаточно.

– Как такое может быть?

²¹ – Имеется в виду так называемая «Народная книга», авторство которой приписывают Герману Боте, который собрал и объединил многочисленные народные байки, легенды и анекдоты о Тиле Уленшпигеле

– Получается, что может, – покачал головой Даниленко. – Палыч мне как-то втулял, что все Параллельные Миры – каким-то неведомым и мистическим образом – связаны между собой. Мол, многие люди, проживающие в конкретном Мире, имеют «двойников» во всех других Мирах. Не то, чтобы стопроцентных «двойников», но, всё же... Вот, взять, к примеру, Сигне и Светлану. Внешне они очень похожи друг на дружку – лицами, фигурами, сексуальным темпераментом, в конце-то концов...

– Ого! Даже до этого дошло?

– Иди, Лёньчик, к чертям свинячим. Моралист хренов. Плесни-ка ещё бражки. Мерси, благодарствую... На чём, извини, я остановился?

– Мол, между тутошной Сигне и тамошней Светкой наблюдается много общего.

– Вот, именно! Много общего, но не абсолютно всё.

– Цвет волос разный? – лениво зевнув, предположил Макаров. – Одна жгучая брюнетка, а другая, наоборот, рыжая?

– Я же тебе, охламону забывчивому, уже говорил, что Светлана – на самом деле – является тёмно-русой.

– А прекрасная норвежская наядя?

– Рыженькая во всех местах, – плотоядно оскалился Тиль. – Проверено... Различия заключаются совсем в другом. Светлана, она чопорная, мнительная и тщеславная. А Сигне – добрая, искренняя и открытая... Кстати, теория «двойников» и тебе, толстопузому пижону, должна быть ин-

тересна.

– Почему это?

– Потому это. Получается, что в данном Мире живёт девушка, очень похожая на твою мадам Натали. Возможно, в улучшенном варианте. Где конкретно она живёт? Не знаю. Поэтому надо не на месте сиднем сидеть, а побольше путешествовать.

– Учту, понятное дело, – пообещал Лёнька, после чего ехидно прищурился: – Что теперь будет с доверчивой рыжеволосой красавицей? Какова её женская доля? Типа – поматросил и бросил?

– Ничего подобного! – возмутился приятель. – За кого ты меня принимаешь? За последнего негодяя? Мы с Сигне уже обо всём договорились... Она пока останется здесь. Я же во Фландрии осмотрюсь, обживусь, найду подходящее местечко для семейного гнёздышка. Потом вернусь в Тромсё. Обвенчаемся. Хоть по католическому обряду. Хоть по языческому. Можно и по обоим. Типа – для пущей крепости брачных уз. А после этого и во Фландрию переселимся, на ПМЖ. Вот, они какие – тактические и стратегические планы... Любовь богаче делом, чем словами. Не украшением – сущностью гордится²²...

– Почему ты не хочешь сразу взять норвежскую зазнобу с собой? То есть, сперва сочетаться законным браком, а потом отбыть во Фландрию?

²² – Цитата из трагедии Вильяма Шекспира – «Ромео и Джульетта».

– Ты, Лёньчик, окончательно сошёл с ума. Сейчас во Фландрии неспокойно. Король Филипп собирается назначить своим Наместником в Нидерландах кровавого герцога Альбу. Так что, сам, братец, должен понимать.

– Я всё понимаю, – заверил Макаров. – Только, вот, если вспомнить школьный курс истории Средних веков.... Восстание гёзов²³, то есть, полномасштабная война за независимость Нидерландов длилась лет пять-шесть. Значит, ты готов расстаться с Сигне на такой долгий срок?

– Не готов, – тяжело вздохнув, признался Тиль. – Попытаемся форсировать события. То бишь, ускорить ход Истории. Видишь ли, у меня созрел один план – авантюрный, ясный пень, но дельный и конкретный. Вернее, пока только созревает. Надо парочку деталей окончательно доработать...

Минуло – с момента «переноса» – почти полторы недели.

Наступило утро. Громко хлопнула входная дверь – это Серёга, как и всегда, усвистал куда-то по неведомым важным делам.

Поворочавшись минут пять-семь, Макаров понял, что уснуть уже не удастся.

Он, тихонько бормоча в адрес беспокойного приятеля нелицеприятные ругательства, поднялся со спальной скамьи, оделся, вышел во внутренний дворик, посетил туалет и

²³ – Гёзы – прозвище нидерландских дворян, восставших против испанской тирании Филиппа Второго.

умылся.

Вернувшись в кузню, Лёнька сделал лёгкую зарядку – приседанья, наклоны, махи руками-ногами, подъёмы-отжимания старенькой наковальни, весившей килограмм пятьдесят пять.

После этого пришло время завтрака – большой кусок холодной варёной говядины, ржаной хлеб (с лёгким ароматом сосновой коры), жареная треска, маринованная селёдка. Напиток? Глупый вопрос. Конечно же, местная бражка. Ну, не воду же колодезную пить?

В дверь громко и настойчиво постучали.

– Войдите! – разрешил Макаров. – Не заперто...

Тоненько проскрипело, из-за дверного полотна высунулась веснушчатая мальчишеская мордашка.

– Меня дяденька Уленшпигель прислал, – смущённо шмыгнув носом, сообщил пацан.

– Чего замолчал? Продолжай.

– А дадите медную монетку?

– Лови! Ну?

– Велено передать, что пришли голландские купеческие корабли. Встали за Рыбным причалом.

– Понял, спасибо.

Мальчишка убежал, хлопнула дверь.

– Что же, придётся сегодняшние заказы отложить, – довольно хмыкнул Лёнька. – Объявляется выходной день. Да и свежим воздухом не мешает подышать. Уже, почитай, чет-

веро суток на улицу не выходил...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.